ПОЧТА
ДУХОВЪ,

или

Ученая, Нравственная и Критическая переписка Арабскаго Философа *Маликулъмулька* съ водяными, воздушными и подземными духами.

ЧАСТЬ II.

Съ дозволенія С. П. Б. Ценсуры.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1853/2

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ II.

Стран.

ПИСЬМО XIII. Отъ Сильфа Свѣтовида, о бытіи его въ собраніи молодыхъ Госпожъ и Петиметровъ; какіе тамъ происходили разговоры на счетъ одной Графини, которой въ глаза всѣ льстили. - 1

—— —— XIV. Отъ Гнома Зора, о приходѣ его невидимкою въ лавку къ француженкѣ, торгующей модными уборами. 14

—— —— XV. Отъ Сильфа Свѣтовида, о собравшейся толпѣ народа у дома г. *Людомора*, тамошняго Аптекаря, которой засталъ свою жену въ любовномъ обхожденіи съ своимъ сидѣльцемъ; разсужденіе о невѣрности женъ и мужей. - - - 34

—— —— XVI. Отъ Гнома Буристона, о входѣ его въ оперной домъ. Разговоръ съ Актеромъ, которой приглашалъ его вступить въ ихъ шайку. - 47

—— —— XVII. Отъ Гнома Зора, о женидьбѣ Г. *Припрыжкина*. Разговоръ о его невѣстѣ. - 60

—— —— XVIII. Отъ Астарота, о разговорѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, желающимъ вступить въ должность Секретаря. - - - 80

Стран.

ПИСЬМО XIX. Отъ Сильфа Свѣтовида, знакомство его съ однимъ Петиметромъ, который непремѣнно хошѣлъ, чтобъ онъ одѣтъ былъ по его вкусу. - - - - 89

—— —— XX. Отъ Сильфа Дальновида, разсужденїе о нѣкоторыхъ Государяхъ и Министрахъ, кои поступками своими причиняли великїй вредъ людямъ. - - - - 108

—— —— XXI. Отъ Гнома Вѣстодава, о новыхъ перемѣнахъ въ адѣ. 117

—— —— XXII. Отъ Сильфа Дальновида, о томъ, что гораздо бы лучше для людей, когда бы они непрестанно спали, и видѣли хорошїя сновидѣнїя. 139

—— —— XXIII. Отъ Гнома Зора, о окончанїи свадьбы *Припрыжкина*; разговоръ *Неотказы* съ своею пріятельницею *Безстыдою*, о выгодахъ имѣть глупаго мужа, котораго можно всегда обманывать. - - 148

—— —— XXIV. Отъ Сильфа Дальновида, о томъ, что въ гражданскомъ обществѣ часто называютъ *честнымъ человѣкомъ* того, которой ни мало сего названїя незаслуживаетъ, и какїя нужно имѣть достоинства, чтобъ пріобрѣсти названїе истинно *честнаго человѣка*. - 171

ПОЧТА
ДУХОВЪ.

ПИСЬМО XIII.

Отъ Силъфа Свѣтовида къ волшебнику Маликулъмулъку.

Осматривая многіе города, вздумалось мнѣ въ семъ городѣ прожить нѣсколько времени. Принявъ на себя видъ знатнаго путешественника, познакомился я со многими здѣшними жителями, которые со всѣхъ сторонъ осыпаютъ меня превеликими ласками и приглашаютъ во всѣ лучшія собранія модныхъ своихъ госпожъ и пешиметровъ, гдѣ съ великимъ примѣчаніемъ разсматриваю я хитрости женщинъ и вѣроломство мущинъ. Въ одно время случилось, когда я туда

вошелъ, то рѣчь шла о нѣкоторой Графинѣ, о которой всѣ говорили съ превеликою насмѣшкою, не смотря на то, что въ глаза ей всѣ показывались друзьями.

„Я не знаю, говорила одна молодая „госпожа, откуда Графиня беретъ „свои пустые разсказы, которыми „всегда намъ наводитъ скуку; по „чести въ ея лѣта не позволялось бы „такое пустое болтанье.„ — Никакъ, сударыня, сказалъ одинъ петиметръ съ насмѣшливымъ видомъ: „ежели „только это правда, что лѣта бы„ваютъ причиною охотѣ скучать въ „собраніяхъ своимъ болтаньемъ, то „Графиня давно уже имѣетъ сіе „право.„ — Куды какой ты насмѣшникъ, подхватила другая госпожа: „я знаю Графиню, она еще не такъ „стара, чтобъ ее считать въ числѣ „болтливыхъ старухъ. Она вышла за „мужъ въ тотъ годъ, какъ я роди„лась: ей было тогда двадцать четыре „года, а мнѣ теперь только тридцать

„два.„ — Какъ, сударыня, вскричалъ одинъ вертопрахъ, съ видомъ превеликаго удивленія: „вы кажетесь еще „совершеннымъ младенцемъ, а говорите, будто вамъ тридцать два „года; это мнѣ кажется столько же „удивительнымъ, какъ и то невѣроятнымъ, чтобъ Графинѣ было пять„десятъ шесть лѣтъ, хотя она и „сказываетъ всѣмъ, что ей не больше „сорока.„

Въ ту самую минуту, какъ спорили о лѣтахъ сей Графини, вошла она въ собраніе; каждый передъ нею перемѣнилъ свои слова. Ахъ! Боже мой, любезная Графиня, говорила ей та самая госпожа, которая за минуту предъ тѣмъ столь щедро награждала ее пятьюдесятью шестью годами: „какой у тебя сего дня пре„красной цвѣтъ въ лицѣ, какъ ты „кажешься прелестна, никто не ска„жетъ, чтобъ тебѣ было тридцать „лѣтъ.„ — Однакожь мнѣ больше тридцати, сказала Графиня въ полго-

лоса, усмѣхаясь, прищуривая глазами, и кусая себѣ губы, чтобъ сдѣлать ихъ алѣе: „я совсѣмъ не спала нынѣ-„шнюю ночь, продолжала она, и по „утру вставши страшилась сама на „себя взглянуть въ зеркало; по чести! „я не хотѣла никуда сего дня пока-„заться; но имѣя чрезвычайное жела-„ніе быть съ вами вмѣстѣ, рѣшилась „наконецъ сюда пріѣхать.„ — Мы бы очень много сожалѣли, когда бы лишены были вашего пріятнѣйшаго для насъ присутствія, вскричалъ тотъ пешимегръ, который предъ ея входомъ язвилъ ее жестокими насмѣшками: „потому что никто не при-„носитъ столько удовольствія въ со-„браніяхъ, какъ вы сударыня. Чортъ „меня возьми! естьли я не гораздо „пріятнѣе слушаю тѣ небольшія по-„вѣсти, которыя вы иногда изволите „намъ разсказывать, нежели лучшія „басни Бокасовы и де ла Фонтеновы.„

Я чрезвычайно удивлялся, слушая сіи разговоры, наполненные гнуснаго

ласкательства и притворства, и почиталъ оное непростительнымъ вѣроломствомъ. Мнѣ очень казалось страннымъ, что здѣсь, по заочности, столь язвительно насмѣхаются надъ такою особою, съ которою всякой день бываютъ вмѣстѣ, и которую называютъ именемъ друга; а еще того страннѣе, что въ глаза ту же самую особу осыпаютъ чрезвычайными похвалами. Сіи похвалы я почиталъ не иначе, какъ несноснѣйшимъ оскорбленіемъ, потому что онѣ заключали въ себѣ скрытыми тѣ самыя насмѣшки, которыя предъ ея входомъ на счетъ ея были произносимы.

Какъ скоро вышелъ я изъ сего собранія, то не могъ воздержаться, чтобъ не открыть моего удивленія одному коротко мнѣ знакомому Графу. „Ежели всѣ люди, говорилъ я ему, „съ которыми вы живете, обходятся „съ вами съ такимъ притворствомъ, „що вы великаго сожалѣнія достойны,

„и ни на чьи слова не должны по-
„лагаться. Кто можетъ васъ увѣ-
„рить, чтобъ не говорили когда и на
„вашъ счетъ такихъ же язвитель-
„ныхъ насмѣшекъ, какія говорены
„были на счетъ Графини? Эти люди,
„имѣющіе столь злобныя и коварныя
„сердца называютъ себя ея друзь-
„ями, равно какъ и васъ увѣряютъ
„въ своей дружбѣ.„ — Я уже знаю,
отвѣтствовалъ мнѣ Графъ, какимъ
образомъ я въ такомъ случаѣ посту-
пать долженъ. „Мнѣ довольно извѣ-
„стенъ свѣтъ, чтобъ не допустить
„себя обмануть никакими пщетными
„увѣреніями дружбы и пустыми по-
„хвалами, произносимыми безъ мы-
„слей и безъ всякаго основанія. Я самъ,
„сообразуясь съ обычаемъ и модою,
„часто хвалю то, что мнѣ кажется
„смѣшнымъ, и послѣ охотно отка-
„жусь отъ тѣхъ похвалъ, ежели
„потребуютъ отъ меня истиннаго
„въ томъ доказательства.„ — Но къ
чему сіе притворство? спрашивалъ я

его. На что непрестанно измѣнять чувствамъ своего сердца? „Ваши „уста по этому никогда не произ- „носятъ того, съ чемъ согласуется „ваше сердце; и искренность, ко- „торая почитается самонужнѣйшею „добродѣтелію для общежитія, со- „всѣмъ вамъ неизвѣстна.„ — Чтожъ дѣлать, говорилъ онъ мнѣ, такое заведено здѣсь обхожденіе; притворство почитается тѣснѣйшимъ узломъ всѣхъ здѣшнихъ сообществъ. Здѣшніе жители, примѣтя въ себѣ, что они не могутъ быть способными истинно любить тѣхъ людей, съ коими обращаются, начали употреблять притворство вмѣсто истинной любви. Хитрость заступила мѣсто истины, а ласкательство мѣсто чистосердечія; и наконецъ нужда сдѣлала сіе притворство извинительнымъ.

Вотъ, почтенный *Малкульмулькъ*, какія главнѣйшія причины вѣжливости и учтивства, которыя столь много уважаются между здѣшними сограждa-

нами, и коими они не иному чему одолжены, какъ искренности и чистосердечію, которыхъ они лишены, и вмѣсто которыхъ оныя употребляютъ. Всѣ ихъ обязательныя и учтивыя увѣренія, ихъ ласковые пріемы и льстивыя слова суть слѣдствія ихъ притворства. Философъ долженъ похвалы ихъ и вѣжливость почитать ядомъ, положеннымъ въ напиткъ, имѣющій самый пріятный вкусъ.

Въ здѣшней сторонѣ каждый человѣкъ ни о чемъ болѣе не старается, какъ о томъ, чтобъ наружно обласкать всѣхъ, попадающихся ему на встрѣчу: одному онъ учтиво кланяется, другаго осыпаетъ льстивыми словами, и потомъ обнимаетъ съ знаками искреннѣйшей дружбы особу, очень мало ему знакомую. Всѣ здѣшніе жители въ искренности и чистосердечіи могутъ почесться Типами, и всякому по наружности ихъ покажется, что они почитаютъ тѣ

дни, въ которые не удастся имъ ни кому оказать благодѣянія, днями въ жизни ихъ потерянными; но естьли войтить во внутренность ихъ расположенія, то найдешь совсѣмъ иному противное. Они чрезвычайную имѣютъ склонность къ злословію и почитаютъ то для себя великимъ упѣшеніемъ, когда на чей счетъ удаепіся иному изъ нихъ сказать острое слово. Здѣсь очень часто другъ своимъ другомъ жертвуютъ удовольствію вымолвить въ обществѣ вертопраховъ острую и забавную шутку. Здѣсь мало сыщешь такого дружества, которое не было бы при случаѣ подвержено насмѣшкамъ, и такъ же очень рѣдко найдешь такихъ людей, которые были бы столько счастливы, чтобъ имѣли такого, кому бы могли открыться въ своихъ несчастіяхъ и ввѣрить свои тайны. Ежели истинные друзья повсюду рѣдки, то здѣсь они всего рѣже.

Критическій и злословящій духъ, обладающій всѣми здѣшними жителями, дѣлаетъ ихъ принужденными во всѣхъ своихъ поступкахъ. Они другъ за другомъ во всемъ рачительно примѣчаютъ; они знаютъ, что всѣ окружающіе ихъ взираютъ на нихъ завистливыми и злобными глазами, что самомалѣйшія ихъ движенія будутъ обращены въ насмѣшку; и для того во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, въ позорищахъ и на гуляньяхъ, во всемъ наблюдаютъ они превеликую осторожность, въ походкѣ, въ смѣхѣ, въ произношеніи голоса, а болѣе всего въ нарядахъ. Женщины употребляютъ на то чрезвычайное искуство, такъ, что полководецъ, въ собраніи военнаго совѣта, не столь рачительно располагаетъ и совѣтуетъ о удачномъ успѣхѣ назначаемаго сраженія, какъ здѣшняя щеголиха распоряжаетъ своими горнишными дѣвками при надѣваніи на себя своихъ уборовъ, спрашивая у нихъ поминутно: пристало ли

ей надѣтое платье, и къ лицу ли чепчикъ, или шляпка? Все сему подобное привлекаетъ на себя ея вниманіе. Она двадцать разъ посмотрится въ зеркало прежде, нежели совсѣмъ бываетъ отмалевано ея лицо разными припираньями, помадами, румянами и прочимъ, и прежде нежели всѣ уборы ея приведены бываютъ въ совершенный порядокъ. Каждой цвѣточекъ, каждая ленточка, и даже каждая булавочка, должны быть осмотрѣны, помѣщены ли на своемъ мѣстѣ.

Женщина скорѣе согласится пробыть десять лѣтъ запертою, нежели на одну минуту показаться на гуляньѣ безъ убору. Здѣсь часто въ лѣтнее время собираются въ саду, гдѣ бываетъ обыкновенное сборище петиметровъ и щеголихъ, которыя простираютъ свое злословіе и насмѣшки надъ всѣми попадающимися имъ на встрѣчу. Въ прежнія времена очень часто случались въ семъ саду любовныя приключенія, повреждающія честь

мужей, и тутъ непрестанно происходило сраженіе у *Любви* съ *Гименомъ*. Мнѣ нѣкто разсказывалъ весьма забавное случившееся тутъ приключеніе. Одинъ любовникъ, скрывшись нѣкогда въ темной алеѣ сего сада, дожидался своей любовницы, которая обѣщалась туда пріѣхать къ нему вечеромъ подъ видомъ прогулки. Она сдержала ему свое слово, выпросившись у своего мужа, который тѣмъ охотнѣе на то согласился, что самъ имѣлъ назначенное свиданіе съ своею любовницею въ томъ же саду. Лишь только жена его уѣхала, то онъ не медля самъ отправился къ своей любовницѣ. Мѣсто избранное имъ для любовнаго собесѣдованія было не подалеку отъ того мѣста, гдѣ жена его имѣла свиданіе съ своимъ любовникомъ; двое или трое прогуливающихся въ семъ саду нечаянно подошедъ къ тому мѣсту, гдѣ происходили сіи два любовныя свиданія, воспрепятствовали ихъ забавамъ и при-

нудили ихъ итти искать другаго выгоднаго мѣста; но въ какое пришли они удивленіе по выходѣ на большую дорогу, гдѣ при лунномъ сіяніи узнали они другъ друга и увидѣли, что оба мущины были мужья, размѣнявшіеся своими женами. При такой нечаянной встрѣчѣ они не могли вдругъ удержаться, чтобъ не сказать явнымъ образомъ своего прискорбія и удивленія, такъ что другіе, находившіеся тутъ въ саду, слышали взаимные ихъ другъ другу дѣлаемые выговоры и упреки, и на другой же день сіе приключеніе многимъ сдѣлалось извѣстно. Наконецъ сіи несчастные мужья принуждены были предать совершенному забвенію взаимную свою досаду, и внутренно утѣшались только тѣмъ, что одинъ другому заплатилъ одинакою монетою.

ПИСЬМО XIV.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулмулку.

Получивъ вновь повелѣніе отъ *Прозерпины*, чтобъ при искании модныхъ искусниковъ постарался я, какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ; сколько ни было мнѣ досадно сіе подтвердительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратиться скоро въ адъ, однакожь долженъ непремѣнно выполнить волю своей богини. Для сего выбору вошелъ я въ лавку къ одной Француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чтобъ безъ всякаго обману узнать, которые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество щеголихъ, выбирающихъ для себя разные уборы. Съ начала я очень обрадовался такому случаю, надѣясь

опѣ нихъ узнать цѣну и достоинства сихъ уборовъ, и которые изъ оныхъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣе; однакожь никакъ не могъ удовольствовать своего любопытства, потому что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила *токи*, другая *телчики*, иная *шлялки*, иная *торбаны*, а иная *каски*, такъ что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть было онѣ меня не оглушили. Наконецъ купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка такъ же ушла въ другую комнату, и я оставшись одинъ размышлялъ, какой бы найти способъ, чтобъ не обманувшись узнать, которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самые сіи модные уборы начали между собою разговаривать; а тебѣ

извѣстно, почтенный *Маликулъмулъкъ*, что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разоворы всѣхъ даже и неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою о ихъ другъ передъ другомъ преимуществѣ. Разговоры сіи показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почитаю за долгъ сообщить тебѣ оные.

Аглинская шляпка.

Можетъ ли какой уборъ быть лучше меня! и естьли что нибудь на свѣтѣ прекраснѣе Аглинскихъ модъ?

Французской токъ.

Куды какъ ты забавна съ твоею Англіею! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хотя Агличане и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ Французами, однакожь то конечно не съ стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Покоевой чепчикъ.

О чемъ вы друзья мои спорите! Повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія, и мы другъ передъ другомъ не можемъ имѣть нималаго преимущества, потому что ежели какой головной уборъ къ лицу одной женщины, то къ другой онъ совсѣмъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ; ибо женщины желаютъ только нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Аглинская шлянка.

Въ этомъ-то ты больше всего обманываешься; любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; о уборахъ судитъ только публика, нѣжность же модной щеголихи не имѣетъ въ оныхъ нималаго участія; а дѣйствуетъ одно только самолюбіе и тщеславіе; онъ-

то больше всего ею обладаютъ и располагаютъ ея вкусомъ. Для нее лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздыхателю: и главная цѣль ея нарядовъ состоитъ въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ, и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія пріятнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человѣкомъ, а напротивъ того въ любовномъ свиданіи лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелести, безъ всякаго искуства въ уборахъ; тутъ наряды дѣлаютъ только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевой критикъ.

Однакожъ совсѣмъ тѣмъ, госпожа *милдія*, ты должна признаться, что

нѣкоторыя женщины, надѣвъ на себя или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными, и очень часто тотъ самой ихъ уборъ дѣлаетъ ихъ дурными, и для того-то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такіе уборы, которые были бы ей къ лицу, а не такіе, которые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятельницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговокъ, доставляющихъ имъ сіи уборы.

Аглинская шляпка.

Можно ли положиться на вкусъ модной торговки! Она всегда больше выхваляетъ тѣ уборы, которые хочетъ скорѣе сбыть съ рукъ? Она безъ всякаго сомнѣнія каждой женщинѣ будетъ говорить, что этотъ уборъ къ ней ужесть какъ присталь, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ страшилищемъ.

Покоевой человѣкъ.

Ну, такъ пусть она полагается на вкусъ своего хорошаго друга; то есть: обладателя ея сердца.

Аглинская шляпка.

Вотъ то-то хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавать совѣты, когда всегда судитъ онъ о семъ пристрастно, наблюдая собственную свою пользу. Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуетъ, то конечно не присовѣтуетъ ей надѣть такой уборъ, отъ котораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чтобъ она не понравилась многимъ мущинамъ, и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевой человѣкъ.

А всего лучше, естьли она будетъ совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ.

Аглинская шляпка.

Вотъ другая глупость; совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ! Какъ

это забавно! совѣтоваться съ зеркаломъ! то-то изрядной совѣтникъ! Естьли хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

Покоевой чепчикъ.

О! постой, чтожъ бы ты сказала, когда бы она потребовала совѣтовъ у своихъ горнишныхъ дѣвокъ, непрестанно ее окружающихъ, такъ какъ то дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Аглинская шляпка.

Да! это прекрасная выдумка; слѣдуя такимъ совѣтамъ, можетъ она надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобъ сдѣлаться или совсѣмъ гадкою, или не столь пригожею. Сколько разъ случалось мнѣ слыхать, что женщина говорила другой женщинѣ: *ахъ! какъ это къ тебѣ пристало! ужасть! ужасть жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ чепчикъ? Ахъ! какъ онъ прекрасенъ* и проч.

а въ самое то время внутренно радовалась, что тотъ уборъ, въ противность ея похваламъ, былъ совсѣмъ не къ лицу.

Покоевый чепчикъ.

Ну, такъ пусть дѣлаетъ она то, что хочетъ.

Французской токъ.

Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости названъ покоевымъ чепчикомъ! Ну, можно ли тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами ровняться? Мы, по крайней мѣрѣ, бываемъ на позорищахъ; являемся при Дворѣ и торжествуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣднякъ! ни къ какому платью не годишься, кромѣ какъ къ упреннему *дезабилье*. Съ тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣваютъ безъ всякой осто-

рожности, такъ какъ накидываютъ на шею платокъ; нимало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣтъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы совсѣмъ не причесанные, почему никакъ не можешь ровняться съ щегольскими уборами, и не иначе можешь почитаться, какъ спальнымъ чепчикомъ; и такъ, пожалуй скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры?

Покоевой чепчикъ.

Я тебѣ прощаю, почтенный токъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ; но ежели, по твоему, я ни въ чемъ не могу ровняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французской токъ.

Вѣдь надобно же тебя куда нибудь положить; но находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты дол-

жешь себя помнить и передъ нами молчать.

Покоевой чепчикъ (съ лукавою усмѣшкою.)

И такъ я замолчу; ибо, ежели бы я захотѣлъ сдѣлаться несноснымъ, то могъ бы насказать множество любопытныхъ случаевъ, которымъ очень часто бывалъ я очевидцемъ свидѣтелемъ, и которыми вы никакъ похвалиться не можете; вы конечно бы позавидовали моему счастію. Разумѣешь ли ты меня, гордой тонъ? дерзской тонъ? грубой тонъ? неловкой тонъ?... Да знаешь ли ты, что покоевой чепчикъ бываетъ свидѣтелемъ многихъ пріятнѣйшихъ приключеній, которыхъ тебѣ никогда видѣть не удастся. Въ любовныхъ уединенныхъ свиданіяхъ не почитаютъ за нужное имѣть на головѣ своей такой щегольской уборъ, каковъ ты, господинъ тонъ. Тогда почитаютъ тебя самымъ неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ,

и изъ уваженія къ тебѣ не дерзаютъ предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ воспоргамъ, чтобъ не измяпь твоихъ пышныхъ кружевъ и ленпъ; а потому ты присутствуешь только при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благопристойность. Такія пягостныя церемоніи охлаждаютъ чувства и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевой чепчикъ! ха, ха, ха, покоевой чепчикъ! любезной мой токъ нарочно сдѣланъ для любовныхъ ушѣхъ, и нимало не препятствуетъ свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ безпокоитъ, то снимаютъ его безопасно и кладутъ на уборной спюликъ; а послѣ опять надѣваютъ на себя безъ всякой осторожности.

Блондовая косынка.

(*Во время сихъ разговоровъ спитъ и храпитъ:* хррь, хррь, хррь.)

Аглинская шлятка.

Вотъ какъ спокойно почиваетъ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшать въ наши разговоры.... (*Будитъ ее.*)

Косынка.

Охъ!... Кто это?... Кто это мѣшаетъ мнѣ спа... а... а. (*зѣваетъ*)... а ать? Я такъ спокойно спала, а эти глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятъ, что....

Аглинская шлятка.

Ты очень неучтива, что спишь въ такое время, когда мы разговариваемъ о такихъ важныхъ предмѣтахъ!

Косынка.

Ну! что такое, о чемъ вы говорите? посмотримъ.

Аглинская шлятка.

Мы споримъ о нашемъ другѣ передъ другомъ преимуществѣ.....

И каждой изъ насъ доказываетъ свои права....

Косынка (сонливъ голосомъ.)

Да, это очень хорошо; напримѣръ: говорить о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь.... Это было еще ваше счастіе, что я спала.

Англинская шляпка, токъ и покоевой тепникъ (всѣ вдругъ вскричали съ сердцемъ.)

Какъ! что такое она хочетъ сказать?

Косынка (съ насмѣшкою.)

Да, это не трудно угадать.... Кто изъ васъ можетъ имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какія прелести собою охраняю? Развѣ я не бываю покровомъ тѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе тѣхъ мѣстъ, которыя вы собою украшаете.

*

Покоевой человѣкъ.

О! пожалуй столько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже съ лишкомъ много. — Что такое прелести, о которыхъ ты намъ съ такимъ восхищеніемъ выражаешь!... Тебя покупаютъ только на то, чтобъ ты пышностію своею дѣлала пустой обманъ; а не для прикрытія прелестныхъ грудей.... Повѣрь, что мнѣ все это довольно извѣстно....

Косынка (захохотавъ.)

Я! сударь; о! я вамъ божусь, что никакого обмана не дѣлаю; а груди прикрываемыя мною въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми я ихъ представляю....

Шляпка, покоевой человѣкъ и токъ (всѣ въ одинъ голосъ.)

О! ты совершенная обманщица, госпожа косынка; тебя по справедливости такъ называть должно.

Косынка (взявъ на себя важной видъ.)

Ну, ну, перестанемъ горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться..... Вы чувствуете сами, что.... когда я говорю,... что я не дѣлаю никакого обмана,... то это только такъ говорится;... а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать,... что не дѣлаю почти никакого обмана..... Однакожь, по крайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ головные уборы ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя,... ни отъ вѣтра,... ни отъ холоднаго воздуха.... Но я охраняю прекрасную грудь отъ простуды; а что еще и того лучше, отъ дерзскихъ взоровъ нескромнаго мущины.... И такъ, я бываю защитницею стыда и цѣломудрія, и орудіемъ благопристойности.

Покоевой человѣкъ.

Не вѣрьте ей, не вѣрьте; она лжетъ. Вотъ какою дѣлается она набожною! Вотъ какая приворщица!... А я со сто разъ видалъ совсѣмъ тому противное, что она изволитъ разсказывать.

Косынка (съ досадою.)

Какъ! ты смѣешь сказать!... Ахъ какое поношеніе!... Какъ! я не бываю покровомъ благопристойности?

Покоевой человѣкъ (съ насмѣшкого.)

Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ конечно надлежало бы это дѣлать; но сколько разъ видалъ я, что ты совсѣмъ не исполняешь сей должности! Вѣдь кто имѣетъ глаза, тотъ ясно видитъ, что ты....

Косынка.

Ну, посмотримъ же господинъ прозорливецъ, что такое ты видѣлъ?

Покоевой темникъ (унизивъ голосъ.)

Не видывалъ ли я множество разъ, что ты открывала свободной путь дерзновенной рукѣ,... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла.... Ты, какъ казалось, безъ всякой упорности допускала откалывать булавку, которою ты была приколота.... и утѣшалась смущеніемъ и стыдливостію той красавицы, на которой ты надѣта, и которую при тебѣ такъ нагло оскорбляли.... По сему малому твоему сопротивленію можно видѣть, что ты сама соучаствовала въ томъ маломъ почтеніи, которое тогда было ей оказываемо. И такъ, скажи теперь, хитрая обманщица, когда пригожая женщина надѣваетъ тебя на свою грудь, не говоритъ ли она тебѣ: *я надѣваю тебя для того, чтобъ ты охраняла меня отъ стужи и отъ дерзскихъ покушеній воздыхателя.*

Косынка.

Право ни одна женщина никогда мнѣ этого не говаривала.

Покоевой чепчикъ.

Однакожь, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ тебя на себя надѣваетъ.

Косынка.

Пусть такъ, но я за то не берусь, чтобъ я одна могла воспротивиться противъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ ни малой помощи, то какъ можно требовать отъ меня, чтобъ я одна успояла противъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердятся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, притворяются, будто досадуютъ, будто хотятъ кричать, и думаютъ, что тѣмъ подаютъ мнѣ великую помощь! А я, какъ вы сами можете посудить, лучше соглашаюсь

погда совсѣмъ оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобъ меня разодрали, чтобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои; но естьлибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни; а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ.

Сей разговоръ прервался наконецъ пріѣздомъ многихъ щеголихъ, которыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ вмѣстѣ.... Графиня купила токъ, Княгиня Аглинскую шляпку; безымянная и вертопрашная кокетка подцѣпила покоевой чепчикъ; а актриса взяла косынку, которая по видимому пойдетъ вмѣстѣ съ нею на театръ играть ролю. Бѣдные уборы, видя столь близкую разлуку, и не имѣя надежды когда нибудь увидѣться, прощались съ такою нѣжностію и ласкою, какихъ никогда

не оказываютъ между собою тѣ, кому они достались. По выходѣ изъ лавки прибѣжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я, надѣясь впредь найти какой нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность *Прозерлинѣ*.

Желалъ бы я, любезный *Маликулмулкъ*, какъ можно скорѣе исполнить препорученныя мнѣ дѣла, и не занимаясь больше разными пустяками возвратиться въ адъ; однакожь видно, что мнѣ здѣсь довольно еще будетъ дѣла.

ПИСЬМО XV.

Отъ Силѳа Свѣтовида къ волшебнику Маликулмулку.

Пробывъ нѣсколько времени въ семъ городѣ, отправился я въ другой,

и хочу увѣдомить тебя, почтенный *Малкуллицкѣ*, о нѣкоторыхъ въ дорогѣ случившихся приключеніяхъ.

Не доѣзжая за нѣсколько верстъ до***, при выходѣ нашемъ въ одинъ постоялой домъ, или лучше сказать, въ одинъ трактиръ, услышали мы вмѣстѣ съ другими дорожными моими сотоварищами превеликой шумъ, и увидѣли множество людей, собравшихся толпою у воротъ сосѣдняго дома. Мы хотѣли узнать о причинѣ сего собранія, и нѣкто изъ числа оныхъ, увѣдомилъ насъ о семъ слѣдующими словами: „Государи мои, „говорилъ онъ намъ, домъ, у кото„раго собралась сія толпа народа, „принадлежитъ Г. *Людолюру*, здѣш„нему Аптекарю, который въ искус„ствѣ своемъ очень прославился. Онъ „сего дня засталъ свою жену въ лю„бовномъ обхожденіи съ своимъ си„дѣльцемъ, отъ чего пришедъ въ пре„великое бѣшенство, ухватилъ ста„рое свое ружье и хотѣлъ изъ него

„застрѣлить своего соперника; но „ружье будучи разумнѣе и снисходи„тельнѣе его, не согласилось выстрѣ„лить, такъ что раза съ два спускалъ „онъ курокъ, однакожь кремень всегда „осѣкался. Любовникъ между тѣмъ „выскочилъ въ окно на улицу; а жена „крикомъ своимъ созвала всѣхъ сво„ихъ сосѣдей, которые сбѣжавшись, „увидѣли Г. *Людомора* въ изступле„ніи, съ ружьемъ въ рукахъ, пора„жающаго любезную свою супругу „претолстою дубиною, и съ великимъ „трудомъ могли ее освободить отъ „его бѣшенства.„ Какоежь сдѣлаютъ наказаніе, государь мой, говорилъ я, сей женѣ за измѣну къ своему мужу? — „А какое ей дѣлать наказаніе? отвѣт„ствовалъ онъ мнѣ, она еще будетъ „жаловаться на своего мужа, кото„рый не имѣя никакого свидѣтеля „того оскорбленія чести, которое, „по его увѣренію, сдѣлано ему отъ „его сидѣльца, принужденъ будетъ „давать ей ежегодное содержаніе у ея

„родственниковъ, куда она отъ него „удалилась.„ — Помилуйте! что вы говорите? вскричалъ я, какъ можно принуждать мужа платить наличными деньгами женъ за ея невѣрность? „Такъ повелѣваютъ наши законы, „отвѣтствовалъ онъ мнѣ, и наши „законоискусники, будучи сами сниз„ходительнѣйшими мужьями, не одно „уже дѣло рѣшили въ силу сихъ „законовъ.„

Что подумаешь ты, почтенный *Малкульмулькѣ*, о замѣшательствѣ и безпорядкѣ, царствующихъ во нравахъ и обычаяхъ здѣшнихъ жителей? Они ежедневно твердятъ о благонравіи, и похваляются соблюденіемъ правилъ хорошаго поведенія; а невѣрность женъ и мужей почитается у нихъ за ничто. Вѣтренность и непостоянство женщинъ служатъ имъ вмѣсто забавы, и они въ собраніяхъ только для увеселенія о томъ другъ другу разсказываютъ. Одинъ офицеръ, бывшій въ дорогѣ моимъ сотовари-

щемъ, смѣялся моему удивленію. Его слова столь глубоко впечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я сколько могу припомнить, выражу тебѣ точно тѣми словами, какими онъ со мною говорилъ. „Видно, сказалъ онъ мнѣ, что „вы сюда пріѣхали совсѣмъ изъ дру„гова свѣта. Какъ! непостоянная „женщина приводитъ васъ въ такое „удивленіе? Вы безъ сомнѣнія къ сему „привыкнете, когда поживете сколько „нибудь у насъ, и забудете столь „много уважаемую вами строгую до„бродѣтель.„ Не уже ли, говорилъ я ему, здѣсь часто случаются такія произшествія, о какомъ теперь намъ разсказывали? „Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, не всѣ мужья бываютъ „такъ глупы, какъ Г. *Лодоморъ*, а „обыкновенно не открываютъ предъ „цѣлымъ свѣтомъ домашнихъ своихъ „обстоятельствъ.„ По этому видно, говорилъ я, что брачныя обязательства здѣсь очень мало уважаются; по моему мнѣнію, онѣ должны бы были

составлять блаженство въ человѣческой жизни, а не несчастія. О какъ вы ошибаетесь! — сказалъ онъ мнѣ, мы уже привыкли къ таковымъ несчастіямъ. „Участь нашихъ сосѣдей, „нашихъ сродниковъ и нашихъ друзей, „приуготовляютъ насъ съ самой юно„сти къ сношенію собственной нашей „судьбы, и лишаютъ всякаго огорче„нія. Знайте, что бракъ у насъ почи„тается нѣкоторымъ родомъ торга. „Здѣсь берутъ жену, равно какъ бы „покупали кусокъ матеріи: одну по„купаютъ мѣрою на аршины, а другую „цѣнятъ безъ мѣры полновѣсными „червонцами.„ Изъ сего я заключаю, отвѣтствовалъ я ему, что здѣсь жена должна очень мало любить такого мужа, который женясь на ней, ничего въ ней не искалъ любви достойнаго, кромѣ ея богатства, и она не должна нимало сожалѣть о потерѣ такого супруга.

„О кокечно! сказалъ онъ мнѣ за„хохотавъ, здѣсь очень мало вдовъ

„умираетъ отъ печали, лишившись „мужей своихъ; однакожь при похо- „ронахъ соблюдаютъ онѣ превеликія „церемоніи. У насъ, какъ скоро какая „женщина лишится своего мужа, то „вы съ начала увидя ея огорченіе, по- „думаете, что все несчастіе ея со- „вершилось, потому что она тогда „запирается въ своемъ домѣ, изъ ко- „тораго выносятъ всѣ обыкновенныя „украшенія, и въ коемъ всѣ стѣны „обвѣшиваются чернымъ сукномъ; „тогда всякой бы подумалъ, что она „заключилась въ гробницу.„ При ма- лѣйшемъ воспоминаніи о покойникѣ, глаза ея дѣлаются двумя источни- ками, изъ которыхъ истекаетъ вода въ превеликомъ изобиліи. Ея вопли и отчаяніе оказываются явно предъ всѣми; но ежели кто увидитъ ее на единѣ, то примѣтитъ, что съ самаго перваго дни она внимаетъ утѣшенія отъ искреннихъ друзей своихъ. Другъ или пріятельница, прилѣжно стара- раются ей представить, что она еще

въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ не должна быть въ живыхъ погребенною; они ей говорятъ: „Ты еще молода, „прекрасна и любви достойна; не „уже ли ты хочешь скрыть отъ „свѣта всѣ твои прелести: очень „мало сыщется мущинъ, которые не „почли бы себя счастливыми, чтобъ „заступить мѣсто умершаго твоего „супруга; повѣрь мнѣ, сударыня, „что я тебѣ подаю совѣтъ отъ „искренняго сердца; тебѣ извѣстно, „какія имѣетъ о тебѣ мысли такой-„то Графъ или Князь; онъ чувство-„валъ къ тебѣ любовь еще при жизни „твоего мужа, такъ не уже ли нынѣ „не пожелаетъ съ великимъ удоволь-„ствіемъ занять его мѣсто?„ Вдова при сихъ словахъ потупляетъ глаза и жеманится. Послѣ шого любовникъ дѣлаетъ ей благопристойное посѣщеніе, и его присутствіе совершенно ее увѣряетъ такъ, что наконецъ прежде еще, нежели погребеніе умер-

шаго совсѣмъ кончится, вдова избираетъ уже себѣ другова мужа.

Слышанное мною отъ сего офицера о ихъ женщинахъ, возбудило во мнѣ превеликое желаніе узнать о свойствахъ ихъ обстоятельнѣе. „Государь мой, говорилъ я ему, сказанное „вами раждаетъ во мнѣ любопытство; не прогнѣвайтесь, что я „будучи здѣсь иностранцемъ, осмѣливаюсь васъ просить о увѣдомленіи „меня подробнѣе о здѣшнихъ женщинахъ, и я буду вами очень одолженъ, „когда вы, подавъ мнѣ лучшее свѣдѣніе, чрезъ то доставите способъ, „судить о нихъ по ихъ достоинству.„ Наши женщины, оцвѣтствовалъ онъ мнѣ, могутъ быть раздѣлены на два рода: первой заключаетъ въ себѣ всѣхъ вообще свѣтскихъ женщинъ, а во второмъ считаются набожныя. Ихъ образъ жизни въ двухъ столь различныхъ состояніяхъ стремится однакожъ къ одной цѣли, и хотя разными путями, но всегда кончится

вѣтренностію и непостоянствомъ. Къ сей-то цѣли достигаютъ онѣ всѣ по различію своихъ свойствъ; но чтобъ дать вамъ ясніе о семъ понятіе, то я увѣдомляю васъ о каждомъ изъ сихъ свойствъ особенно.

„Свѣтская женщина, не прежде „должна вставать съ постели, какъ „въ три часа по полудни, а какъ у „насъ почитается за неблагопристой„ное, чтобъ жена жила съ мужемъ „своимъ въ однихъ покояхъ, то для „того живетъ она на другой поло„винѣ дома, и иногда по нѣскольку „недѣль мужъ и жена другъ съ дру„гомъ совсѣмъ не видятся и не про„молвятъ между собою ни одного „слова, развѣ только въ публичныхъ „собраніяхъ, или на балѣ и въ ко„медіи. И такъ свѣтская женщина „не успѣетъ еще порядочно одѣться, „какъ уже посылаетъ служителя къ „знакомымъ своимъ: или къ Графинѣ, „или къ Княгинѣ, спросить о ихъ „здоровьѣ и условиться куда нибудь

„вмѣстѣ ѣхать. Послѣобѣденное вре-
„мя проходитъ въ церемоніяхъ, ком-
„плиментахъ и въ принятіи посѣще-
„ній. По пробитіи пяти часовъ, она
„еще не совсѣмъ рѣшится, куда ей
„ѣхать, въ комедію ли или на балъ;
„и естьли когда случится, что она
„приглашена куда нибудь къ ужину,
„то для того даетъ преимущество
„театральному зрѣлищу; откуда вы-
„ходитъ, занявшись тѣми любовными
„хитростями, которыя тамъ видѣла
„представляемыя, и потомъ вино,
„хорошее кушанье, и вольность ме-
„жду всѣми за ужиномъ употребляе-
„мая, воспаляютъ мысли ея нущимъ
„жаромъ, и она по выходѣ изъ за
„стола, прежде возвращенія домой,
„прохлаждаетъ оный съ своимъ лю-
„бовникомъ до пяти часовъ утра, и
„тогда-то уже показавшійся день,
„противъ воли ея, принуждаетъ ее
„отправиться домой.„

„Набожная, напротивъ того, съ
„великимъ стараніемъ удаляется отъ

„сихъ шумныхъ бесѣдъ, и отъ такой „безпорядочной жизни; но удовле- „творяетъ страстямъ своимъ въ „пріятномъ уединеніи. Вертопрахъ и „модный щеголь приводитъ ее въ „соблазнъ; его вѣтреные поступки „чрезмѣрно ее оскорбляютъ; онъ мо- „жетъ въ одну минуту лишить ее „той славы, которую она въ три „года приобрѣла уединенною и воз- „держною своею жизнію; а она изби- „раетъ своимъ любовникомъ учителя „дѣтей своихъ, и они оба почитаютъ „для себя необходимостію быть „скромными; ибо самомалѣйшая не- „скромность лишила бы госпожу при- „обрѣтенной ею славы, а учителя „выгоднаго мѣста, и того уваженія, „которое онъ лицемѣріемъ своимъ „получить отъ всѣхъ надѣется.„

Есть еще здѣсь нѣкоторой родъ набожныхъ мущинъ, которыхъ онъ иногда въ нужныхъ случаяхъ упо- требляютъ, и кои болѣе всѣхъ ува- жаются по своей скромности; они

впираются въ лучшіе домы въ званіи душевныхъ наставниковъ и путеводителей на стезю спасенія, и обѣщаютъ руководствовать къ небесному жилищу всѣхъ въ домъ безъ изъятія. Мужъ первый бываетъ имъ обманутъ, и каждый день самъ ублажаетъ счастливое знакомство того, который наноситъ ему безчестіе и украшаетъ голову его великолѣпнымъ головнымъ уборомъ.

Какое распутство! почтеннѣйшій *Малхулмулкъ*, какой безпорядокъ! Признаюсь, что съ трудомъ могъ я повѣрить тому, что мнѣ сей офицеръ разсказывалъ; но пожившій здѣсь нѣсколько времени, можетъ быть, самъ узнаю о всемъ собственнымъ своимъ опытомъ: и ежели все сказанное мнѣ справедливо, то посуди, можно ли жить между такими людьми! По крайней мѣрѣ, я благодарю судьбу, что я не человѣкъ, а духъ, и что на нѣсколько только времени по собственному моему желанію, сдѣлался

человѣкомъ. Прощай! почтенный *Маликулмулкъ*, не премину тебя впредь увѣдомить, что примѣчу здѣсь еще любопытнаго.

ПИСЬМО XVI.

Отъ Гнома Бурстона къ волшебнику Маликулмулку.

Не давно прогуливаясь по городу, увидѣлъ я домъ, у котораго пѣснилась толпа народа; я вошелъ въ сѣни, чтобъ спросить, что это значитъ? какъ взялъ меня за руку молодой человѣкъ. Государь мой! сказалъ онъ, еще очень рано, не угодно ли вмѣстѣ со мною прогуляться, и я вамъ послѣ въ семъ домѣ покажу вещи, подлинно достойныя удивленія. Радуясь товариществу, вышелъ я съ нимъ изъ сѣней и пошелъ по вымощенной краснымъ мраморомъ улицѣ. Какъ былъ я въ самомъ простомъ платьѣ, и не

столько долженъ былъ отвѣчать на поклоны; но потому безъ всякаго помѣчательства могъ имѣть съ товарищемъ моимъ слѣдующій разговоръ.

Признаться, что въ большемъ свѣтѣ очень тѣсно жить безъ денегъ, сказалъ я, соблюдая имя бѣдняка; а еще несноснѣе видѣть, что люди недостойные пользуются богатствомъ; а мы, которые чувствуемъ, что могли бы принести пользу Государству, совсѣмъ позабыты, что существуетъ на свѣтѣ.

Это правда, сударь, отвѣчалъ онъ, что хотя куча бѣдняковъ больше, нежели богатыхъ; однакожь совсѣмъ ихъ не примѣчаютъ. По крайней мѣрѣ, намъ служитъ одно по утѣшеніемъ, что мы не первые на это жалуемся. Впрочемъ, видя по лицу вашему въ васъ честность, и имѣя способы вамъ помочь, я за долгъ почитаю этимъ вамъ служить. — Послушай, другъ мой, сказалъ онъ

вдругъ перемѣня голосъ, ты кажешься мнѣ такъ бѣденъ, что съ трудомъ можешь себя поправить; правда, хотя на нашемъ островѣ можно надѣяться на хитрость; но состояніе твое такъ мало, что тебѣ не льзя сдѣлать никакого плутовства, не бывъ за то повѣшену или высѣчену розгами. — Хочешь ли ты, чтобъ я далъ тебѣ хлѣбъ; вступи въ нашу шайку, я въ ней старшиною и обѣщаю тебѣ мое покровительство.

Я. А какая это шайка? не одна ли изъ тѣхъ, которыя, какъ сказывали мнѣ, состоятъ изъ ярмоночныхъ врачей, бродящихъ безъ всякаго знанія съ своими пузырьками, порошками и пластырями, коими, какъ язвой, переводятъ они большую половину вашихъ добродушныхъ земляковъ.

Отв. Нѣтъ, они нынѣ не бродятъ шайками; а живутъ на нашемъ коштѣ на одномъ мѣстѣ, и дожидаются въ своихъ домахъ охотниковъ отправиться на тотъ свѣтъ.

Я. Такъ не изъ тѣхъ ли она состоитъ *Еѳуполаловъ*, (*) которые ходя по селамъ и по городамъ, сказываютъ сказки, бравъ за то дорогую цѣну; которые одни имѣютъ хитрость вдругъ: и брать милостыню, и налагать подати, и продавать какія-то моральныя лѣкарства отъ физическихъ болѣзней, за которыя имъ платятъ очень много, хотя никто отъ нихъ не вылѣчивается.

Отъ. Нѣтъ, и они уже нынѣ не ходятъ шайками; а на нашъ щотъ построили школы, и всякой городъ ставитъ себѣ за честь содержать по нѣскольку сотъ такихъ *Еѳуполаловъ*. Правда, имъ скучно было привыкнуть къ такой жизни; но за то пріумноженіе ихъ доходовъ ихъ утѣшаетъ.

(*) *Еѳуполалы*, на семъ островѣ живущіе подъ самымъ экваторомъ народы; они такъ же черны, какъ Арапы, съ тою разностію, что у нихъ отъ обжорства гнилые зубы и толстыя брюха.

Они и нынѣ продаютъ неизлѣчающія лекарства, налагаютъ подати, берутъ милостыню, получаютъ отъ насъ жалованье, и торгуютъ очень прибыльно жизненными каплями; обнадеживая, что кто ихъ принимаетъ, будетъ жить 3000 лѣтъ. Но оставимъ ихъ; я предлагаю тебѣ вступить въ нашу шайку, которая сего дня будетъ играть въ етомъ домѣ; — то есть, чтобъ ты сдѣлался комедіантомъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, до какой степени простирается самолюбіе самыхъ послѣднихъ званій; а для того хотѣлъ я нѣсколько унизить званіе комедіантовъ и послушать, каково оно будетъ защищаемо своимъ членомъ. Какъ, сударь! сказалъ я, вы совѣтуете, чтобъ я вступилъ въ столь презрѣнный и подлый промыселъ!

Онъ. Потише, государь мой! вы живете въ обществѣ, а не знаете учтивости, которая употребляется на нашемъ островѣ, и при мнѣ назы-

ваете подлымъ ремесло, въ которомъ я нахожусь; но я не сержусь никогда на вспыльчивость молодова человѣка, и увѣряю васъ, что мое ремесло ничемъ не хуже другихъ. Скажите, что вы въ немъ находите дурнаго?

Я. Во первыхъ то, что это ремесло всѣми почитается подлымъ.

Онъ. Это одно только предразсужденіе. Приказной человѣкъ нимало не уважаетъ военнаго состоянія; воинъ бранитъ приказныхъ; купецъ хвалитъ свое званіе, а лѣкарю нравится свое. Негодный промыселъ есть только тотъ, который приноситъ болѣе вреда, нежели пользы; а нашъ приноситъ больше пользы, нежели вреда. И самая низость сего званія полезна для того, что поведеніе комедіанта не берется въ примѣръ, и онъ своею худою жизнію не заражаетъ цѣлаго народа; а добродѣтельною не дѣлаетъ лицемѣровъ, старающихся ему подражать, и подъ видомъ благочестія производящихъ тысячу разореній. Коме-

діантъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда; угнѣтать какимъ нибудь откупомъ цѣлый городъ; проманивать по двадцати лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Вся власть его ограничивается только тѣмъ, что изображаетъ на театрѣ пороки. Онъ можетъ поправить тѣ части злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя болѣе вреда и разоренія приносятъ Государству, нежели самые хищные откупщики.

Я. Это правда, но надобно быть очень тверду, чтобъ сносить презрѣніе.

Онъ. Презрѣніе! его достойны только низкія души; а не ни кія званія. Я знаю человѣка и въ моемъ промыслѣ, съ которымъ многіе честные и разумные вельможи ищутъ знакомства; знаю такъ же нѣкоторыхъ знатныхъ, которыми, не смотря на ихъ великолѣпіе, гнушаются и низкіе люди; но естьли ты охотникъ до

знатности, то я позволю тебѣ на театрѣ играть роли самыхъ знатныхъ людей.

Я. Вы очень унижаете истинную знатность, сравнивая ее съ театральною.

Онъ. Это сравненіе справедливо. Какъ скоро ты на театрѣ играешь знатную ролю, тогда всѣ другія лица стараются оказывать тебѣ почтеніе: правда, что за театромъ оно исчезаетъ; но не то ли же самое дѣлается и съ вельможею? Какъ скоро онъ входитъ въ знатность, тогда всякой старается предъ нимъ казаться униженнымъ, всякой оказываетъ ему обоженіе, всѣ его хвалятъ, всѣ ему льстятъ; но лишь только сила его исчезаетъ, тогда всѣ его приближенные снимаютъ передъ нимъ свои маски; имъ кажется онъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и они оставляя его идутъ къ другому читать ту же самую ролю, которую читали передъ нимъ.

Я. Это правда, что тутъ есть нѣкоторое сходство; но быть народнымъ шутомъ! это очень тягостно.

Онъ. Напротивъ того, это очень весело. Лучше заставлять народъ смѣяться или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилѣжности, а не происками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые неподвержены пороку публичной лести: мы и передъ самими Царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожь истину; между тѣмъ, какъ ихъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать Философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки о ихъ побѣдахъ.

Я. Я отдаю наконецъ на вашу волю; но только съ тѣмъ, чтобъ играть мнѣ иногда Короля, иногда разнощика, иногда судью, а иногда ветошника: меня очень будутъ забавлять такія перемѣны.

Онъ. Пойдемъ, я согласенъ; и это одна изъ наилучшихъ выгодъ комедіанша. Въ семъ онъ подражаетъ величайшимъ Философамъ; ибо онъ послѣ Царя съ такимъ же веселіемъ бываетъ разнощикомъ, съ какимъ равнодушіемъ послѣ разнощика бываетъ Царемъ: чего лишены акперы большаго театра, называемаго свѣтомъ.

Новой мой покровитель ввелъ меня въ залу. Вотъ, друзья мои! вамъ новой товарищъ, сказалъ онъ нѣсколькимъ стоящимъ въ кругу Царямъ, Царицамъ, скороходамъ и крестьянамъ, которые всѣ вмѣстѣ разсуждали о какомъ-то политическомъ предпріятіи ихъ острова; его осанка, продолжалъ онъ, его ростъ и хорошій станъ, подаютъ намъ немалую на-

дежду, что онъ будетъ исправной Царь. Послѣ сего Короли и лакеи очень приспально зачали на меня смотрѣть, и что-то шептали между собою; а Королевы говорили въ слухъ, что онѣ ни на какомъ театрѣ лучше меня Царя не видывали. Такая похвала заставляла иногда на меня коситься новыхъ моихъ товарищей; но я мало о томъ заботясь, пошелъ въ амфитеатръ, чтобъ посмотрѣть новую трагедію, которую тогда дали. Множество зрителей ожидали съ нетерпѣливостію открытія занавѣсы, и наконецъ минута эта настала. Трагедія была сочинена по вкусу островитянъ въ 8 дѣйствіяхъ 12 стопными стихами. Дѣйствующія лица были очень порядочно связаны, и какъ я еще нѣсколько помню ея содержаніе, то разскажу тебѣ, почтенный *Малькульмулькъ*, подробнѣе.

Главный герой сей трагедіи былъ нѣкоторой островской *Донъ-Кихотъ*. (Это одинъ Романъ Гишпанской,

стоющій любопытства; я тебѣ его пришлю. Впрочемъ ты путешествуя по разнымъ странамъ, можетъ быть видалъ многихъ и знатныхъ *Донъ-Кишотовъ*.) Онъ былъ вдругъ: Философъ, гордецъ и плакса; акперъ по смыслу словъ очень изрядно поддерживалъ свой характеръ; онъ храбрился въ тюрьмѣ; читалъ на театрѣ разсужденія иногда, когда надобно ему было что нибудь дѣлать; будучи простолюдимомъ, гордился предъ Государемъ и плакалъ предъ своею любовницею, какъ дитя отъ лозы, когда она дѣлала ему ласки, а чтобъ ему чаще хлопали, то онъ оборотясь къ зрителямъ, почти при всякомъ стихѣ твердилъ имъ, что онъ ихъ одноземецъ. Островитяне иногда краснѣлись, что такой чудакъ родился между ими; однакожъ не рѣдко хлопали ему въ ладоши, чтобъ не заснуть отъ праздности.

Другая, то есть: его любовница, была Царская дочь; она была нѣсколько

его поумнѣе; но столько хвалила своего любовника, какъ будто бы желала выпти за него безъ приданова, хотя и не видно было, подлинно ли имѣла она это намѣреніе, будучи богатѣе своего жениха. Третіе лице изобразить хотѣло какого-то злодѣя. — Писатель характеръ его заключалъ въ словахъ, а не въ дѣйствіи. Онъ ничего не дѣлалъ, но иногда кричалъ, что онъ всѣхъ перерѣжетъ и передавитъ; а между тѣмъ, когда онъ спалъ на театрѣ, то самаго его удавили въ седмомъ дѣйствіи, и осьмое доигрывается уже безъ него.

Наконецъ четвертый, какъ говорятъ, былъ прекрасный характеръ; на немъ основывалась вся трагедія; сказываютъ, что это былъ предобродѣтельный человѣкъ, и имъ окончалось зрѣлище; но жаль только того, что Авторъ не выводилъ его на театръ. Можетъ быть добродѣтельный характеръ былъ для него слишкомъ труденъ.

ПИСЬМО XVII.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулъмулъку.

Извини меня, любезный *Маликулъмулъкъ*, что я давно къ тебѣ не писалъ; это не отъ того, чтобъ мнѣ было нѣчего писать; но я столько занятъ дѣлами и окруженъ столь многими предметами, что не зная за что приняться, впалъ въ нерѣшимость, и долго бы въ ней пробылъ, естьли бы мой молодой *Притрыжкинъ* не подалъ мнѣ причины къ размышленію, которое выбило у меня на время изъ головы всѣ другіе предмѣты.

Поздравь меня, любезный другъ, сказалъ мнѣ *Притрыжкинъ*, съ исполненіемъ трехъ главнѣйшихъ моихъ желаній. — Какъ! вскричалъ я, не уже ли ты оставилъ свѣтъ! собралъ хорошую библіотеку! и нажилъ себѣ искреннихъ друзей! — Вотъ какой вздоръ! отвѣчалъ онъ, я никогда

этого не желалъ, какъ только одинъ разъ въ жизни, когда не давно проигрался и былъ безъ денегъ; о иногда я былъ великой Философъ! Но любезный другъ! ты знаешь нынѣшній свѣтъ и нашу мягкую Философію, которую и у лучшаго нашего Философа одинъ рубль испортитъ въ состояніи. Нѣтъ, у меня есть другія гораздо основательнѣйшія желанія, которыя Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный другъ, продолжалъ онъ, меня обнимая, съ тѣмъ, что я сыскалъ цугъ лучшихъ Аглинскихъ лошадей, прекрасную танцовщицу и невѣсту; а что еще болѣе, такъ мнѣ обѣщали прислать чрезъ нѣсколько дней маленькаго прекраснаго Мопса; вотъ желанія, которыя давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человѣкъ, когда буду видѣть вокругъ себя столько любезныхъ вещей! я умру отъ восхищенія. — Прекрасной Мопсъ! — Невѣста! — Цугъ лошадей! —

Танцовщица! — О! я только между ими стану раздѣлять свое сердце! Я принужу ихъ, чтобъ они всѣ равно меня любили.... и естьли не за другихъ, то конечно за собачку парирую тебя всѣмъ, что она будетъ меня любить, какъ роднаго своего брата.

Такое прекрасное начало въ первый разъ заставило меня узнать, какимъ образомъ здѣсь женятся, и я захотѣлъ получше развѣдать, что значитъ здѣшняя женидьба. Поздравляю тебя, любезный другъ, сказалъ я ему, съ исполненіемъ твоего желанія, а болѣе всего съ невѣстою; я увѣренъ, что ты не ошибся въ твоемъ выборѣ. — Конечно, сказалъ онъ, лошади самыя лучшія Аглинскія! — Я о твоей невѣстѣ говорю, продолжалъ я, не правда ли, что она разумна? — Ужъ конечно; говорятъ, что лучше ея со вкусомъ никто не одѣвается. — Безъ сомнѣнія она добродѣтельна? — Въ томъ я вѣрю ея матери, которая говоритъ, что дочка ни въ чемъ онъ

нее не отстала; а эта барыня можетъ служить примѣромъ добродѣтели.... Она вѣчно или перебираетъ свои чотки на молитвѣ, или бьетъ ими своихъ дѣвокъ; а досшальное время проводишъ въ набожныхъ разговорахъ наединѣ съ своимъ учителемъ Богословіи. — Я думаю, что она прекрасна? — О! что до этого, то я никому, кромѣ своихъ глазъ не повѣрю; но я еще не успѣлъ ее видѣть. — Какъ! сказалъ я, ты женишься, и не знаешь своей невѣсты;... да чемъ же она тебѣ такъ нравится? — тридцатью тысачами дохода, отвѣчалъ онъ мнѣ съ восхищеніемъ; не уже ли ты думаешь, что это шутка? Естьли мнѣ танцовщица будетъ стоить и двадцать тысячь, то все еще у жены останется десять, къ которымъ приложа мой доходъ, мы можемъ съ нею жить, дѣлая честь нашему роду. Что же ты смотришь на меня выпараща глаза? О! какъ можно въ тебѣ узнать уѣзднаго дворянина? Я вижу, что

тебѣ въ диковинку такія свадьбы; а это отъ того, что ты еще не знаешь моднаго общежитія; будь же свидѣтелемъ моей женидьбы, и приучайся къ правиламъ свѣта. Послѣ сего подхватилъ онъ меня въ свою карету, и мы поѣхали съ нимъ въ ряды для закупки къ свадьбѣ ему уборовъ.

Купцы на перекоръ просили насъ въ свои лавки и кричали, что у нихъ есть самые дорогіе товары; нѣкоторые правда, говорили, что у нихъ есть лучшіе; но у такихъ простяковъ, какъ я примѣтилъ, покупали очень мало. Другъ мой, сказалъ я одному изъ сихъ купцовъ, скажи мнѣ, не уже ли здѣсь товары не потому выбираются, что они лучше; а потому, что дороже? То правда, что лучшіе должны быть дороже; но я примѣчаю, что это у васъ рѣдко вмѣстѣ встрѣчается. — Государь мой! отвѣчалъ мнѣ купецъ, будьте увѣрены, что я имѣю все должное почтеніе

къ такимъ господамъ, какъ вы и Его Сіятельство Г. *Прилрыжкинъ*, и я бы думалъ обидѣть его милость, естьли бы показывалъ ему лучшіе товары; а не тѣ, которые дороже; да и онъ, конечно, сочтя меня за невѣжу, пошелъ бы искать товаровъ въ другія лавки. Были, правда, здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго; но просвѣщеніе перемѣнило такіе грубые нравы, и мы нынѣ не рѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп. и менѣе за золотникъ; а за такой же золотникъ стали платятъ намъ по 120 рубл. За шелкъ беремъ мы самую умѣренную цѣну; а за связку соломы не давно брали по 400 и по 500 рублей; но по несчастію наши барыни не долго пользовались пріятною вольностію, платишь за солому дорогую цѣну, и мы принуждены были поровнять ее цѣною, не болѣе, какъ съ лучшею золотою парчею. Мы были бы въ отчаяніи, естьли бы дорогая цѣна

стали не утѣшила насъ въ умѣренной прибыли отъ соломы. Вопъ, сударь, продолжалъ онъ, показывая мнѣ стальной Аглинской ефесъ, которой стоитъ 110 рублей. Я тебѣ сію минуту плачу за него деньги, сказалъ я; но скажи мнѣ, чего онъ въ самой вещи стоитъ? — Я божусь, говорилъ купецъ, что онъ изъ самой лучшей Аглинской стали; желѣза тутъ не болѣе какъ на 9 коп. Работа Агличанамъ, можетъ быть, стоитъ не больше полфунта стерлинговъ или два крона, что на здѣшнія деньги сдѣлаетъ 2 рубл. 20 ко. (*). 52 рубл.

(*) Деньги той земли привелъ я въ здѣшнія Россійскія, что бы ихъ названіемъ не открыть такой странной земли; а я за долгъ почитаю умалчивать о народѣ, котораго *гнилъ зобъ* въ письмѣ своемъ описываетъ; да и не вѣрю, что бы могъ гдѣ быть такой безразсудной, которой бы за сталь платилъ въ 60 разъ дороже золота. Впрочемъ увѣряю

80 коп. мы даемъ имъ прибыли; а достальные 55 рубл. я имѣю честь брать съ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ. — Этого безчеловѣчнѣе ничего быть не можетъ! вскричалъ я. — Не угодно ли, сударь, говорилъ купецъ, посмотрѣть еще Аглинскихъ стальныхъ цѣпочекъ, женскихъ поясныхъ и шляпныхъ пряжекъ, и шляпныхъ петель; будьте увѣрены, что я уступлю вамъ за самую сходную цѣну. — Что стоитъ эта цѣпочка? спрашивалъ я, указывая на одну подлинно изрядно сдѣланную. — Послѣднее слово 230 рублей, отвѣтствовалъ купецъ; я не говорю о настоящей ея цѣнѣ, продолжалъ онъ, оная вамъ извѣстна; но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ вамъ купить такъ хорошо выработанную вещь. — Что бы сдержать мое слово, я заплатилъ

читателя, что въ сравненіи денегъ ни одною полушкою не ошибся. *Примѣчаніе Издателя.*

ему за три золотника стали 230 рубл. но скажи мнѣ, говорилъ я купцу, не уже ли это не дѣлаетъ вреда Государству, и какую можетъ приносить ему пользу? — Польза очень не мала, сударь, отвѣчалъ купецъ; во первыхъ: насъ почитаютъ богатыми потому, что мы за бездѣлицы платимъ дорого; вкусъ нашъ въ великой славѣ потому, что такія прекрасныя вещи, нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣты съ ногъ до головы въ такія драгоцѣнности, подаютъ великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости.... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ.... Правда, есть такъ же и вредъ; но онъ почти непримѣтенъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умираютъ съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна. — Ты шутишь, сказалъ я, не уже ли такія бездѣлицы, каковы

Аглинскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, петли, или такія мѣлочи, каковы Французскія соломенныя шляпки, блаженной памяти соломенныя накладки, и прочіе подобные симъ вздоры могутъ принести такой вредъ Государству? Пожалуй мнѣ это разтолкуй. — А вотъ, сударь, продолжалъ купецъ; между тѣмъ, какъ вашъ пріятель покупаетъ у моего сидѣльца нужные для него товары, я вамъ въ коротких словахъ объ этомъ разскажу. Напримѣръ: Его Сіятельство Г. *Прилыжкинъ* вздумалъ жениться; ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество такихъ мѣлочей; деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4000 душъ крестьянъ; въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ, собрать съ нихъ къ будущему году 80000 рубл. Мужики получа такое строгое повелѣніе, и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ

обыкновенно болѣе можно выработать денегъ; вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками или разнощиками: днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ. Городъ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ бываетъ самъ ихъ кормить, и сверхъ того еще платить имъ деньги. Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымѣщать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80000 рубл. господину, а на доспалыные 10000 рублей, посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго имъ становится мало до будущаго года. И такъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а Его Сіятель-

ство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу Государству.

Между тѣмъ Г. *Прилрыжкинъ* кончилъ торгъ съ сидѣльцомъ моего краснобая, и отсчитавъ ему 6000 рубл. за такіе прекрасные товары, радовался, что заплатилъ дороже всѣхъ за свою покупку. Надобно думать, что и невѣста не менѣе дѣлала приуготовленій.

На другой день послѣ сего, у невѣсты въ домѣ былъ балъ, гдѣ было такое же собраніе, о которомъ я тебя разъ увѣдомлялъ, съ тою только разностію, что тутъ были безъ масокъ и не платили денегъ. Невѣста и женихъ въ первый разъ увидѣвшись, чрезъ десять минутъ сдѣлались такъ коротки, какъ будто были уже десять лѣтъ обвѣчаны. Ему позволяли

нѣкоторыя вольности жениха; но я примѣтилъ, что не одинъ онъ пользовался такимъ правомъ. *Неотказа* (такъ называлась молодая невѣста) была такъ благосклонна ко всѣмъ мущинамъ, что казалось, будто она за всѣхъ за нихъ выходитъ за мужъ. Съ своей стороны и *Иртырыжкинъ* ей не уступалъ; онъ всякую женщину почиталъ своею невѣстою, и всякая женщина была такъ къ нему снизходительна, что почитала его своимъ женихомъ или еще и болѣе. Я примѣтилъ между прочимъ, что мать невѣстина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна съ будущимъ своимъ зятемъ, съ весьма важнымъ видомъ. — Вотъ женщина умная, сказалъ я самъ въ себѣ; она конечно даетъ ему наставленіе въ добродѣтели и въ будущемъ хозяйствѣ; но ты узнаешь скоро, любезный *Маликульмилкъ*, что я имѣлъ причину пѣнять себѣ въ безвременно сдѣланной похвалѣ сей сшарушкѣ.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мнѣ хорошенько распросить про здѣшнюю женидьбу, и для того зачалъ я разговоръ съ однимъ по видимому постояннымъ и скромнымъ гостемъ. Слова наши были напередъ о мѣлочныхъ вещахъ, какъ то, о погодѣ, (здѣсь очень часто начинаются преважные разговоры вопросомъ: какая на дворѣ погода? или, которой бы вы думали часъ?) наконецъ я довелъ разговоръ до женидьбы. Признаюсь, сударь, говорилъ я ему, что я очень радуюсь счастію моего пріятеля *Прилрыжкина;* женидьба есть такое утѣшеніе въ жизни, что она отъемлетъ у человѣка половину горестей въ оной; какъ весело раздѣлять время съ прекрасною и добродѣтельною женою, которой нравы во всемъ согласны съ мужниными! Хорошая женщина, любезной товарищь въ уединеніи, и наставленія разумной красавицы скорѣе исправить могутъ, нежели десять скучныхъ поученій какого нибудь гру-

баго старика; а основательному, но не гибкому разуму мущины, не худо имѣть себѣ въ общежитіи совѣтникомъ проницательный женскій разумъ; и самые упреки изъ устъ любимой женщины кажутся пріятны. — Изъ Америки или изъ Сибири, изволили вы сюда прибыть? спросилъ меня незнакомой..... Я очень любопытно желалъ бы услышать отъ васъ о тамошнихъ дикихъ народахъ; по вашему вопросу мнѣ кажется, что они еще не лишились своей невинности; видно, что письма о развращеніи ихъ нравовъ, полученныя мною, несправедливы. — Государь мой, отвѣчалъ я, очень бы я радъ удовольствовать ваше любопытство; но признаюсь, что я не былъ столь далеко отсюда, а пріѣхалъ прямо изъ одной здѣшней провинціи, для покупки модныхъ уборовъ моимъ родственницамъ; однакожь, что бы впредь не быть мнѣ смѣшнымъ такими вопросами, прошу васъ, пожалуйте разскажите мнѣ,

какимъ образомъ здѣсь почитается женидьба? Очень просто, отвѣчалъ онъ мнѣ, и это въ короткихъ словахъ разсказать вамъ можно. У насъ съ женою такъ же поступаютъ, какъ съ платьемъ.... Приходятъ въ ветошной рядъ, выбираютъ то, которое по богатѣе, платятъ за него деньги и относятъ домой; тогда-то уже увидятъ, что платье или не въ пору, или дурно сшито; и усмотря свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто его выбираютъ другое, и на него никогда уже не взглядываютъ, а только пишутъ его въ реестръ своимъ, хотя не рѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются.... Вотъ исторія женидьбы, съ малою однакожь разницею. Тотъ, кто хочетъ жениться, провѣдываетъ о невѣстахъ; къ нему приходятъ и сказываютъ, что такая-то дѣвушка приноситъ за собою въ приданое 10000 рубл. доходу; часто не любопытствуя далѣе, онъ посылаетъ къ ея отцу

сказать, что онъ такого-то чина, и столькихъ-то душъ владѣтель, хочетъ на ней жениться. Съ обѣихъ сторонъ справляются съ великимъ прилѣжаніемъ въ истинѣ сихъ увѣдомленій, и потомъ начинаютъ свадьбу; естьли же послѣ, какъ то часто случается, ни жена, ни мужъ другъ другу не поравятся, то всякой употребляетъ себя, какъ можетъ, и дѣлаютъ добровольно уговоры, чтобъ не вступаться въ нѣкоторыя бездѣлицы, которыя прежде сего мужей и женъ краснѣться заставляли. И такимъ образомъ мужъ, не сходясь съ своею женою нѣсколько лѣтъ, можетъ надѣяться быть не послѣднимъ въ своей фамиліи; а жена имѣетъ удовольствіе приписывать своему мужу всѣ домашнія дѣла, которыми часто вертятъ комнатной служитель и человѣка четыре посторонныхъ.

Дѣти, которые приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ равною съ обѣихъ

сторонѣ прилѣжностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя; а жена видя, какъ мало думаетъ о нихъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи; и такіе-то прекрасныя опрасли готовятся со временемъ занимать какія нибудь важныя мѣста въ Государствѣ!

Лишь только окончилъ онъ свою рѣчь, какъ *Пригрыжкинъ* подошедши отвелъ меня къ сторонѣ.... Доволенъ ли ты, любезный другъ, своею будущею тещею? спросилъ я его. — Можно ли спрашивать меня объ этомъ! сказалъ онъ, когда ты видишь, въ какомъ я смущеніи; представь, что эта старая хрычовка въ меня влюблена! и какъ видно, что старушка жалуетъ скорыя рѣшенія, то по ея словамъ я очень ясно заключаю, что мнѣ не видать ея дочери за собою до того времени, покуда..... О чемъ же ты думаешь?

вскричалъ я; оставь эту старую фурію; не уже ли ты хочешь быть до такой степени развращенъ. — Вотъ какое дурачество! сказалъ *Припрыжкинъ*, чтобъ я пожертвовалъ тридцатью тысячами доходу для такой мѣлочи; будь увѣренъ, что я не столь своенравенъ, и естьли я теперь въ досадѣ, то это не отъ того, чтобъ я старался презирать мою дорогую тещу. — Чтожь! развѣ ты страшишься, чтобъ не узнали люди о такомъ преступленіи? — Вздоръ! что кому за нужда до чужихъ дѣлъ. — Или не хочешь, чтобъ твоя невѣста свѣдала о сей измѣнѣ. — Совсѣмъ не то; хотя невѣсту свою вижу я и въ первый разъ; но какъ у многихъ моихъ пріятелей видалъ я ея портреты, которые безъ всякаго прекословія переходили изъ рукъ въ руки и доставались многимъ, то изъ того заключаю, что и подлинникъ не упрямѣе своихъ списковъ; и такъ по этому не думаю, чтобъ она на меня

слишкомъ осердилась за непостоянство. — Что же тебя такъ безпокоитъ? — То, отвѣчалъ съ досадою молодой *Прилрыжкинъ*, что я сего вечера далъ слово быть у моей прекрасной танцовщицы; а естьли эта старая хрычовка не отвяжется отъ меня съ своими любовными изъясненіями, то я лишусь пріятнаго удовольствія увидѣться съ театральною Нимфою; а принужденъ буду проводить скучные часы съ гадкою старухою. По счастію господина *Прилрыжкина* сей день кончился безъ дальнихъ для него хлопотъ съ будущею его пещею, потому что къ вечеру нашелъ онъ отговорку, чтобъ уѣхать для свиданія съ своею танцовщицею, и мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали; меня завезъ онъ въ топъ домъ, гдѣ я живу, а самъ поскакалъ къ своей Сиренѣ.

Прости, любезный *Малихулмулькъ*, я скоро тебя увѣдомлю, чемъ кончится такая знатная свадьба, ко-

порую *Прилрыжкин* торжествуетъ на счетъ своихъ 4000 душъ.

ПИСЬМО XVIII.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликулъмулъку.

Въ послѣднемъ моемъ къ тебѣ письмѣ, мудрый *Маликулъмулъкъ*, упоминалъ я о нѣкоторомъ молодомъ человѣкѣ, который, имѣя намѣреніе опредѣлиться въ какой нибудь приказъ Секретаремъ, требовалъ въ томъ моего совѣта. Онъ столь же былъ бѣденъ и такъ же умиралъ съ голоду, какъ и пріятель его Стихотворецъ. *Наставь меня*, говорилъ онъ мнѣ, *должно ли я вступить въ сію должность, и могу ли надѣяться, что посредствомъ оной поправлю бѣдное свое состояніе.*

„Будущее, отвѣтствовалъ я ему, „столь же сокрыто отъ бѣсовъ, какъ

„и отъ людей; однакожь разсматри-
„вая подробно настоящія обстоятель-
„ства, можемъ мы нѣсколько преду-
„знавать, что впредь съ кѣмъ слу-
„чится. И такъ, скажи мнѣ, какія
„главнѣйшія причины побуждаютъ
„тебя вступить въ сію должность?
„Естьли жадность къ прибытку со-
„ставляетъ предмѣтъ твоихъ жела-
„ній, то надѣешься ли ты на свою
„совѣсть, что не тронется она
„воплемъ бѣдныхъ сиротъ, у кото-
„рыхъ алчный корыстолюбецъ, по-
„средствомъ твоего старанія, отни-
„метъ послѣднее ихъ имущество?
„Чувствуешь ли ты въ себѣ столько
„ябеднической твердости, чтобъ гра-
„бить своихъ ближнихъ безъ малѣй-
„шаго угрызенія совѣсти? И нако-
„нецъ, надѣешься ли столько на зна-
„ніе свое въ крючкотворствѣ, чтобъ
„нагую истину въ глазахъ безграмот-
„ныхъ судей переодѣвать въ различ-
„ные наряды, по своему благораз-
„сужденію? Ежели есть въ тебѣ сіи

„необходимо нужныя для корыстолю-
„биваго Секретаря качества, то не
„мѣшкая нимало исполняй свое на-
„мѣреніе, и я предсказываю тебѣ,
„что наполня свои сундуки имуще-
„ствомъ ограбленныхъ тобою людей,
„будешь ты очень богатъ.„

Я никогда такъ подробно не раз-
суждалъ, отвѣтствовалъ онъ мнѣ;
однакожь признаюсь, что желая всту-
пить въ сію должность, смотрю
болѣе всего на прибыль, и увѣренъ,
что большая часть будущихъ моихъ
собратій, такъ же о томъ думаютъ,
какъ и я. Сыщется ли изъ нихъ хотя
одинъ, который бы пожертвовалъ не-
усыпными своими трудами, для при-
обрѣтенія той пустой и ничего не-
значущей славы, которая послѣдова-
телей своихъ не рѣдко препровож-
даетъ въ богадѣльню? Собственная
польза должна быть гораздо драго-
цѣнѣе, нежели польза вдовъ и си-
ротъ. Виноватъ ли Секретарь, что
нѣтъ у нихъ денегъ? Въ нынѣшнія

просвѣщенныя времена даромъ ничего не дѣлаютъ.

„О го! вскричалъ я съ восхище-„ніемъ, я предвижу, что имѣя такія „мысли, ты будешь со временемъ „очень счастливъ; ты достоинъ быть „не только Секретаремъ, но и Судьею. „По словамъ твоимъ всякой поду-„маетъ, что ты состарѣлся въ при-„казѣ, и что уже лѣтъ сорокъ упраж-„няешься въ крючкотворствѣ. При-„нимайся, другъ мой, поскорѣе за „сей промыселъ; увѣряю тебя, „что ты ничего лучше сего не „сдѣлаешь.„

Мнѣ кажется, отвѣтствовалъ мнѣ нововыпечатанной Секретарь, что ты очень хорошаго мнѣнія, какъ обо мнѣ, такъ и о будущихъ моихъ сотоварищахъ; однакожь я многими примѣрами могу тебѣ доказать, что и между ими есть множество честныхъ людей, достойныхъ всякаго почтенія.

„Въ этомъ я не сумнѣваюсь, отвѣт-„ствовалъ я ему; однакожь сихъ,

„упоминаемыхъ тобою, добросовѣст-
„ныхъ Секретарей столь мало, что
„въ сравненіи со множествомъ при-
„страстныхъ къ *акциденціи*, можно
„ихъ почесть за совершенную рѣд-
„кость. Когда приходятъ мнѣ на
„мысль всѣ тѣ плутни, которыя
„они, для уловленія бѣдныхъ челобит-
„чиковъ въ ябедническія свои сѣти,
„употребляютъ; то не могу удер-
„жаться, чтобъ не похвалить благо-
„разумныхъ въ судопроизводствѣ об-
„рядовъ нѣкоторыхъ Азійскихъ на-
„родовъ, кои для отправленія право-
„судія, не имѣютъ нужды ни въ вы-
„пискахъ, которыя болѣе затмѣва-
„ютъ дѣла, ни въ справкахъ, кото-
„рыя въ конецъ разоряютъ бѣдныхъ
„челобитчиковъ; всѣ сіи запутываю-
„щіе и самыя справедливѣйшія дѣла
„ябедническіе крючки, у сихъ наро-
„довъ, коихъ просвѣщенные Европей-
„скіе жители называютъ *варварами*,
„совершенно не извѣстны. Тамъ жад-
„ный стряпчій, безсовѣстный судья,

„и бездушный секретарь, не имѣ-
„ютъ способовъ обогащаться имуще-
„ствомъ ограбленныхъ ими проси-
„телей; и естьлибъ къ твоему не-
„счастію, родился ты въ какомъ
„Азійскомъ городѣ, то сколько бы
„ни употреблялъ старанія, чтобъ
„одному дѣлу дать два различные
вида, или, чтобъ ясньйшую истину
„обратить въ сомнительную, одна-
„кожъ все то ни мало бы не послу-
„жило къ твоей пользѣ. Тамъ умеръ
„бы ты съ голоду, или, можетъ
„быть, въ награду за твои плутни
„отвѣсили бы тебѣ нѣсколько со-
„тенъ ударовъ палкою по пятамъ.„

„И такъ, естьлибъ въ Европей-
„скихъ присутственныхъ мѣстахъ
„поступали съ приказными служите-
„лями по Азійскому обыкновенію,
„то всѣ твои товарищи сдѣлались
„бы столько же честными, сколько
„теперь корыстолюбивы. Принимаясь
„за какое дѣло, не приминули бы они
„прежде сами себѣ сказать: „ *Полеже*

де плутни наши вознаграждаются здѣсь низпадающимъ на насъ палочнымъ дождемъ: того ради, *надлежитъ пещись елико возможно, дабы честностію и безкорыстіемъ предохранить спины наши отъ вышереченнаго за беззаконія наши истязанія.* „Но къ „несчастію Европейцевъ, судьи и на„чальники у сихъ просвѣщенныхъ на„родовъ не такъ думаютъ, какъ „Азійскіе *Паши* и *Кадіи.* Всякое „судебное дѣло, какъ бы худо ни „было, находитъ своихъ защитни„ковъ; и чемъ которое несправедли„вѣе, тѣмъ болѣе искусный Секре„тарь надѣется получить отъ него „прибыли: и сіи-то ябедническія и „запутанныя дѣла составляютъ глав„нѣйшіе его доходы.„

Я вижу, отвѣтствовалъ мнѣ молодой человѣкъ, что ты не весьма уважаешь тѣмъ промысломъ, въ которой я вступить намѣреваюсь; однакожь всѣмъ довольно извѣстно, сколько нуженъ онъ въ Государствѣ;

конечно въ адѣ совсѣмъ иначе о томъ думаютъ.

„А это происходитъ отъ того, „отвѣтствовалъ я, что у насъ вашу „братью лучше знаютъ, нежели „здѣсь; однакожь я долженъ тебѣ „признаться, что ничего не можетъ „быть почтеннѣе, какъ искусный и „безпристрастный Секретарь: нѣтъ „такого достоинства, въ которое „бы онъ, по заслугамъ своимъ, не „могъ быть возведенъ. Множество, „какъ прежде было, такъ и нынѣ „есть такихъ людей, которые чест- „ностію и безкорыстіемъ, изъ про- „стыхъ писцовъ произошли въ пер- „вѣйшіе чины въ Государствѣ. Но сіе „до тебя не касается; ты больше „привязанъ къ корыстолюбію, нежели „къ добродѣтели, и такъ продолжай, „какъ началъ; я тебѣ отвѣчаю, что „въ скоромъ времени ты чрезмѣрно „обогатишься. Паче всего помни, „чтобъ за деньги никому ни въ какой „прозьбѣ не отказывать; и естьли

„случится, что не взирая на всѣ
„твои плутни, рѣшится какое дѣло
„не такъ, какъ бы тебѣ хотѣлось,
„то сіе нимало не помрачитъ твоей
„славы; а всѣ скажутъ, что дѣло,
„о которомъ ты старался, было
„черезъ чуръ ужъ гадко; ежели же
„плутовство твое получитъ успѣхъ
„и тебѣ удастся переворотить по
„своему, праваго обвинить, а вино-
„ватаго оправить, тогда будешь
„очень щедро награжденъ, и тебя всѣ
„будутъ почитать самымъ хитрымъ
„крючкотворцемъ. Совѣтъ, который
„я тебѣ даю, можетъ тебѣ служить
„вмѣсто философическаго камня;
„пользуйся имъ до тѣхъ поръ, какъ
„увижу я тебя преселившагося въ
„адъ и сидящаго въ обѣятіяхъ адскихъ
„демоновъ.„

ПИСЬМО XIX.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликулъмулъку.

Ты очень бы удивился, почтенный *Маликулъмулькъ*, когда бы увидѣлъ меня въ новомъ моемъ нарядѣ. Я непремѣнно долженъ былъ одѣться по вкусу здѣшнихъ жителей. Фракъ на мнѣ полосатой съ длинными полами и съ короткимъ лифомъ; жилетъ такъ же полосатой и чулки полосатыя. Я думалъ, что надобно было заказать сдѣлать исподнее платье и башмаки полосатыя; но мнѣ сказали, что это еще не вошло въ моду; а можетъ быть скоро войдетъ; что исподнее платье хотя и носятъ полосатое, но полосы одинакаго цвѣта; однихъ только башмаковъ цвѣтъ никогда еще не перемѣнялся; пряжки же башмашныя множество разъ видъ свой перемѣняли; за нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ сказывали мнѣ, употребля-

лись маленькія круглыя; но потомъ часъ отъ часу увеличиваясь, бывали иногда круглыя, а иногда четыреугольныя, самыя большія; нынѣ же носятъ овальныя, вдоль по башмаку лежащія. Карета у меня самаго послѣдняго вкуса поласатаяжь; жаль, что здѣшніе господа модные Петиметры не успѣли еще выдумать, выкрашивать и лошадей разноцвѣтными полосами; тогда все бы уже одно другому соотвѣтствовало.

Голова моя убрана преогромнымъ вержетомъ и превеликими буклями, умазана душистою помадою, усыпана самою лучшею Французскою пудрою, и я весь съ ногъ до головы опрысканъ благовонными духами; подъ мышкою же ношу я огромную шляпу; однакожь не полосатую, а чорную. Не смѣшно ли тебѣ покажется, почтенный *Маликульмулькъ*, что я вошелъ въ такое дурачество; но тебѣ извѣстно, что я это дѣлаю единственно изъ любопытства, чтобъ посредствомъ сво-

его дурачества удобнѣе узнать людскія глупости, и для того нарядами своими стараюсь подражать лучшимъ здѣшнимъ Петиметрамъ, чтобъ чрезъ нихъ имѣть входъ во всѣ публичныя собранія, и примѣчать нравы и обычаи здѣшнихъ жителей. Портной мой увѣрялъ меня, что платье мое самой послѣдней моды. Одинъ Петиметръ, съ которымъ недавно я познакомился, и который живетъ въ одномъ со мною трактирѣ, все закупалъ для моего наряду, и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я одѣтъ былъ по его вкусу; а онъ здѣсь почитается первѣйшимъ знатокомъ въ модныхъ уборахъ, и самъ многіе изъ нихъ выдумываетъ. Онъ божился мнѣ, что больше мѣсяца выдумывалъ онъ новый образецъ обшлагамъ и клапанамъ на кафтанѣ, и что потомъ вымышленіе новаго покроя въ платьѣ занимало его почти во все прошедшее лѣто. *Конечно у васъ очень много дѣлъ*, спрашивалъ я у него, *что вы тратите*

столько времени на такія бездѣлки?
„Какъ! отвѣчествовалъ онъ, вы назы-
„ваете бездѣлкою вымышленіе новой
„моды! Видно, что вы сюда пріѣхали
„изъ самой дикой стороны, гдѣ хоро-
„шій вкусъ въ нарядахъ совсѣмъ не
„извѣстенъ. Знайте, что потребно
„гораздо болѣе дарованія, разума и
„науки для расположенія новаго по-
„кроя въ платьѣ, нежели для по-
„строенія огромнаго дома. Не думае-
„те ли вы, что ничего не стоитъ
„знать искуство у горбатаго скрыть
„горбъ; у долгошеяго высокимъ ворот-
„никомъ закрыть долгую шею; не-
„стройнаго станомъ сдѣлать стат-
„нымъ; или велѣть расположить со
„вкусомъ на кафтанѣ фалды? До сего
„только можно достигнуть хитрыми
„вымыслами и долговременнымъ упраж-
„неніемъ; однакожь при всемъ томъ
„надлежитъ, чтобъ сама природа
„намъ вспомоществовала, а безъ того
„и самое великое знаніе казалось бы
„посредственнымъ. Искуство въ на-

„рядахъ должно почитать особен-
„нымъ дарованіемъ; хотя многіе ста-
„раются его имѣть, но немногіе сча-
„стливо до того достигаютъ.„

Я внутренно смѣялся, почтенный *Маликулмулькъ*, слушая такіе вздоры; сколько ни почиталъ я людей во многихъ случаяхъ заблуждающимися; однакожь никогда не воображалъ, чтобъ могли они доходить до такого безумія, чтобъ почитали важнѣйшими дѣлами, заниматься фалдами и покроемъ своего платья. Я спрашивалъ у нѣкотораго знакомаго мнѣ господина, называющагося *Старомысломъ*, который упражняется въ разныхъ полезныхъ наукахъ, и почитаетъ ихъ гораздо нужнѣе новыхъ модъ: *много ли въ семъ городѣ людей зараженныхъ такими глупостями?* „Больше, не-
„жели вы вообразить себѣ можете,
„отвѣтствовалъ онъ мнѣ; мода есть
„первѣйшая страсть здѣшнихъ жи-
„телей: чтожь принадлежитъ до
„женскаго пола, то онъ доходитъ

„въ томъ до безумія. Женщина окон-
„чавъ поутру свой туалетъ, про-
„вождаетъ цѣлое утро въ оберты-
„ваніи и укалываніи около себя раз-
„ныхъ лоскутковъ, купленныхъ ею
„на канунѣ. Послѣ обѣда ѣдетъ она
„въ театръ, и тогда съ удивленіемъ
„видитъ, что та мода уже перемѣ-
„нилась, и что многія модныя щего-
„лихи одѣты въ другое платье по
„послѣднему вкусу. Она съ досадою
„примѣчаетъ, что всѣ онѣ присталь-
„но на нее смотрятъ и насмѣхаются
„ея старомодному убору, отъ чего
„приходитъ она въ отчаяніе, и не до-
„ждавшись окончанія піесы поспѣшно
„выходитъ изъ театра, запирается
„въ своемъ домѣ, заставляетъ ком-
„натныхъ своихъ дѣвокъ шить новые
„наряды, и просиживаетъ съ ними во
„всю ночь, покуда на другой день въ
„состояніи будетъ опять показаться
„въ свѣтъ, одѣтая по новой уже
„модѣ. „

Знакомецъ мой петиметръ обѣщался представить меня многимъ здѣшнимъ моднымъ женщинамъ, и познакомить со всѣми извѣстными ему вертопрахами. Вчерась хотѣлъ онъ меня везти въ оперу; сіе зрѣлище, какъ сказывалъ онъ мнѣ, чрезвычайно ему нравилось; однакожъ не сдержалъ своего слова, потому что ѣздилъ съ пріятелями своими за городъ въ одинъ трактиръ, гдѣ пропили они во всю ночь, и его поутру уже привезли домой совсѣмъ безчувственнаго. И такъ на мѣсто его ѣздилъ со мною въ театръ Г. *Старомыслѡ*.

Театръ здѣшній показался мнѣ довольно великъ, ложи въ немъ въ пять ярусовъ; но осмапривая вокругъ, представилась мнѣ ужасная пестрота, потому что каждая ложа обита особливаго цвѣта обоями, и у каждой такого же цвѣта занавѣски, такъ что было тутъ смѣшеніе всѣхъ разныхъ цвѣтовъ. Многія изъ сихъ ложъ были наполнены обоего пола

людьми, а нѣкоторыя закрыты были занавѣсками; однакожь примѣтилъ я, что и тамъ въ полемкахъ сидѣли и тихонько оттуда выглядывали; а какъ изъ любопытства спрашивалъ я: для чего сидящіе въ тѣхъ ложахъ не показываются и скрываются въ темнотѣ: то мнѣ сказали, что часто случаются тутъ любовникъ съ любовницею, которые пріѣзжаютъ не для смотрѣнія піесы; но для любовнаго свиданія. Между театромъ и партерами на довольно пространной площадкѣ стояла толпа мущинъ, изъ которыхъ очень не многіе подвинувшись ближе къ театру занимались зрѣніемъ піесы, а большая часть разхаживая взадъ и впередъ заглядывали въ глаза женщинамъ, сидящимъ въ партерахъ, и разговаривали между собою такъ крѣпко, что отъ ихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно было рѣчей актеровъ, представляющихъ на театрѣ. Нѣкоторые изъ сихъ разхаживающихъ были съ распрепанными

волосами, въ розовыхъ на шеѣ платкахъ и подпоясанные кушаками: они во все горло кричали и спорили о скорости въ бѣгѣ своихъ лошадей, и между тѣмъ похлопывали по полу бичами, которые въ рукахъ у нихъ были; а нѣкоторые, поднявъ къ верьху головы, и приложа къ глазу лорнетъ, смотрѣли на сидящихъ въ ложахъ женщинъ, и какъ скоро сей лорнетъ устремлялся на какую женщину, то она тихонько отворачивалась, пріятно усмѣхалась и потрогивала искусно, или ленточкою на шеѣ, или опахаломъ; такое жеманство продолжалось непрестанно до самаго того времени, какъ смотритель въ лорнетъ оборачивался къ другой женщинѣ, которая въ ту же минуту принималась за такія же ужимки.

Пожалуйте, государь мой! скажите мнѣ, спрашивалъ я у Г. *Старомысла, кто такіе сіи Господа, которые съ такимъ любопытствомъ смотрятъ на женщинъ, и для чего жен-*

щипы передъ ними такъ коверкаются и ломаются? „Эти Господа, отвѣт-
„ствовалъ онъ мнѣ, почитаются
„здѣсь знатнѣйшими въ своемъ родѣ
„Петиметрами; они замѣчаютъ и
„пересмѣхаютъ женскіе уборы, и су-
„дятъ о красотѣ и о достоинствѣ
„всѣхъ женщинъ; напримѣръ: осмо-
„тря прилѣжно которую нибудь изъ
„нихъ, въ одну минуту на вѣрное
„будутъ они увѣрять, что у ней но-
„вой любовникъ, что она бросила
„уже того Студента, который долго
„былъ на ея содержаніи, а на мѣсто
„его взяла новоприѣзжаго Офицера,
„который по всюду вмѣстѣ съ нею
„ѣздитъ; а о другой скажутъ, что
„она гадко одѣта, что она неловка,
„что усмѣшка ея непривлекательна,
„что не умѣетъ она дѣлать пріят-
„ныхъ ужимокъ, и не такъ смотритъ,
„какъ было бы должно въ нынѣшнемъ
„модномъ свѣтѣ. И такимъ образомъ
„непремѣнно сыщутъ что нибудь
„сказать о всякой женщинѣ, на ко-

„торую смотрятъ; а для сего-то „самаго, всякая женщина старается „передъ ними дѣлать разныя тѣло„движенія и ужимки, желая, чтобъ „они нашли въ ней что нибудь пре„лестное, и похвалили бы ея красоту „и вкусъ въ уборахъ, или по крайней „мѣрѣ не показалась бы она имъ со„всѣмъ гадкою и безобразною.

А это конечно чьи нибудь кучера, спрашивалъ я у Г. *Старолыска*, которые похлопываютъ бичами и кричатъ о доброшѣ лошадей своихъ? — „Нѣтъ, „отвѣтствовалъ онъ, это другаго „рода вершопрахи, которые во весь „день скачутъ по улицамъ и другъ „друга перегоняютъ, не для того, „чтобъ они были охотники до лоша„дей и имѣли бы хорошихъ бѣговъ; „но только, чтобъ нѣсколько разъ „проскакать мимо оконъ тѣхъ дѣву„шекъ, за которыми они волочатся, „и показать имъ великолѣпные на ло„шадяхъ своихъ приборы, купленные „ими на послѣднія деньги, остающіяся

„у нихъ отъ промотаннаго ихъ имѣ-
„нія. Они пріѣзжаютъ сюда не для
„смотрѣнія театральнаго зрѣлища;
„но для разсказыванія другимъ, та-
„кимъ же шалунамъ, о тѣхъ чуде-
„сахъ, которыя будто надѣлали ми-
„мые ихъ бѣгуны.

Я ничего не могу тебѣ сказать, почтенный *Малькульмульк*, о піесѣ, которую тогда играли, потому что хотя я сидѣлъ въ ложѣ; но отъ шуму разговаривающихъ здѣшнихъ Петиме-провъ ничего не могъ слышать, что на театрѣ пѣли и говорили.

Поѣхавши изъ театра, дорогою спрашивалъ я у своего товарища о достоинствѣ видѣнныхъ мною на театрѣ пѣвицъ и танцовщицъ, и какой ведутъ онѣ родъ жизни? — О! онѣ чрезвычайно хитры, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, въ привлеканіи къ себѣ мущинъ, которыхъ очень искусно обираютъ, и тѣмъ обогащаются. Многіе богатые купцы дѣлаются отъ нихъ банкрутами; знатные господа

накапливаютъ на себя превеликіе долги, а молодые господчики часто совсѣмъ раззоряются. Хитрость и притворство, наилучшія дарованія театральныхъ дѣвокъ; онѣ притворною наружностію очень искусно умѣютъ прикрывать жадность свою къ корыстолюбію. Тѣ, которые многими опытами знаютъ ихъ хитрость, не даются имъ въ обманъ и не вѣрятъ притворному ихъ постоянству; но многіе неопытные молодые люди, и легковѣрные ослѣпленные ими старики, часто попадаются въ ихъ сѣти, которыхъ избѣгнуть очень трудно, потому что эти хитрыя женщины умѣютъ принимать на себя всякой видъ, какой только захотятъ.

Ежели театральная дѣвка захочетъ обманывать старика, то притворяется передъ нимъ, что она ко всѣмъ молодымъ людямъ чувствуетъ особливое презрѣніе; осуждаетъ безуміе тѣхъ женщинъ, которыя предаются нескромнымъ вертопрахамъ;

выхваляетъ благоразуміе почтеннаго мужа, пожилыхъ уже лѣтъ, и клятвенно увѣряетъ, что она никогда не можетъ чувствовать истинной любви, кромѣ какъ къ такому только человѣку, который по совершеннымъ своимъ лѣтамъ одаренъ здравымъ разсудкомъ.

Ежели, напротивъ того, захочется ей понравиться Нетиметру, то увѣряетъ его, что всякой мущина свыше тридцати лѣтъ, кажется ей очень смѣшнымъ, и что ее прельщаютъ одни только молодые люди. *Какъ можно*, говоритъ она, *любить старика, и какой вкусъ наши сестры находятъ въ шестидесятилѣтнемъ любовникѣ?* Послѣ сего она передъ нимъ танцуетъ, поетъ, прыгаетъ и скачетъ, такъ что кажется всѣ забавы и веселости ее окружаютъ.

Ежели обратитъ она взоры свои на богатаго откупщика, то тутъ употребляетъ уже совсѣмъ другія уловки. Тогда презираетъ она вся-

каго, кто не богатъ: „Къ чему нужна „для нашей сестры любовь молодыхъ „Господчиковъ? говоритъ она своему „любовнику, котораго обираетъ; они „повреждаютъ только нашу славу, и „вмѣсто того, чтобъ намъ что ни„будь давать на наши нужды, насъ „еще разоряютъ. Разумная женщина „можетъ ли страстно любить при„дворнаго за то только, что онъ „часто бываетъ при дворѣ и умѣетъ „искусно шаркать по полу ногами, „или за то, что онъ имѣетъ знатной „чинъ? Клянусь тебѣ, продолжаетъ „она, что гораздо больше можно „чувствовать любви къ такому чело„вѣку, который щедростію своею „можетъ доставить намъ счастли„вую жизнь.„

И такимъ образомъ очень трудно избѣгнуть хитрыхъ обмановъ сихъ опасныхъ сиренъ; и ежели кто по несчастію попадетъ въ ихъ сѣти, тотъ совсѣмъ погибаетъ и запутывается въ такой лабиринтъ, изъ ко-

тораго почти никогда выпти не можетъ, попому что хипрое притворство, обманъ, ложныя клятвы, притворное отчаяніе и обманчивыя увѣренія въ вѣчной любви, столько его обольстятъ, что онъ самъ себя не будетъ помнить.

Театральныя дѣвки имѣютъ отмѣнное дарованіе и искусство содержать сердца въ своихъ оковахъ. Ежели примѣтятъ онѣ, что спокойное услажденіе въ любви сдѣлаетъ любовниковъ ихъ не столь чувствительными, то онѣ очень къ стати умѣютъ возбудить въ нихъ ревность; но дѣлаютъ то съ такою хитростію, что ни мало не спрашатся, чтобъ любовники отъ досады ихъ оставили, потому что послѣ опять очень искусно увѣрятъ ихъ совершенно въ своемъ постояпствѣ. Ежели онѣ усмотрятъ, что любовники подозрѣваютъ ихъ въ вѣрности, то въ одну минуту станутъ передъ ними проливать слезы, и величайшія клятвы будутъ служить

доказательствомъ въ сильной любви ихъ; естьли же слезы ихъ не произведутъ ожидаемаго дѣйствія, то предаются онѣ совершенному отчаянію, и покажется, будто бы въ состояніи сами себя лишить жизни. Тогда никакой любовникъ не можетъ устоять противъ сполъ-ясныхъ доказательствъ жестокой ихъ страсти; въ одну минуту оставляетъ онъ всѣ свои подозрѣнія, самъ признаетъ себя виновнымъ, что напрасно ее подозрѣвалъ, и послѣ сего налагаетъ на себя новыя, жесточайшія прежнихъ оковы.

Сверьхъ того театральныя дѣвки очень хитро умѣютъ раззорять своихъ любовниковъ требуемыми отъ нихъ подарками, и эту науку знаютъ онѣ во всемъ совершенствѣ. Ихъ грабительное искуство имѣетъ особливыя свои правила; напримѣръ: ежели которой нибудь изъ нихъ захочется бриліантоваго перстня, или платья, или головнаго какого убора, тогда

начнетъ она искусно выхвалять видѣнныя ею у другихъ своихъ знакомыхъ такія вещи, и потомъ говоритъ своему любовнику: — „Такой-„то Графъ подарилъ *Парашѣ* пер-„стень; такой-то Князь сдѣлалъ *Дашѣ* „богатое платье. По чести эти дѣвки „очень счастливы, что онѣ ласками „своими умѣли любовниковъ своихъ „довести до того, что они во всемъ „ихъ утѣшаютъ.

И такъ естьли любовникъ ее очень любитъ, и боится, чтобъ не упустить ее изъ рукъ, то легко понимаетъ, къ чему клонятся сіи хитрыя ея слова, и на другой же день присылаетъ къ ней въ подарокъ такое же богатое платье, какое у *Даши*, и такой же перстень, какой у *Параши*; а сіи подарки подаютъ случай другимъ ея пріятельницамъ выпянуть такіе же у своихъ любовниковъ. Каждая изъ нихъ очень искусно умѣетъ налагать на своего любовника такіе поборы; однакожъ при всемъ томъ,

сколько бы кто для нихъ ни расточалъ денегъ, никакъ не можетъ быть совершенно увѣренъ въ искренней любви этихъ тварей. Онѣ не откажутся изъ всякихъ рукъ принимать подарки, лишь только бы былъ къ тому удобный случай; добродѣтель ихъ нимало отъ того не пострадетъ. Однакожъ берутъ онѣ чрезвычайную осторожность, чтобъ обожатели ихъ не узнали о такихъ ихъ поступкахъ, потому что не хотятъ для малаго прибытка лишиться того великолѣпнаго содержанія, которое отъ нихъ получаютъ, естьли же бываютъ онѣ увѣрены, что тайна ихъ никакъ не можетъ быть открыта, то безъ дальнаго размышленія заключаютъ торгъ съ другимъ; принимаютъ отъ него тайно опредѣленную цѣну, за которую условились продать свои прелести, и назначаютъ ему мѣсто свиданія.

Пріѣздомъ нашимъ домой кончились наши разговоры, и я простясь

съ моимъ товарищемъ удалился въ мою комнату, гдѣ довольно размышлялъ о всемъ томъ, что видѣлъ и что слышалъ.

Вотъ, почтенный *Маликульмулкъ*, въ коротокое время, сколько могъ я примѣтить глупостей въ здѣшнихъ жителяхъ. Надѣюсь, что скоро откроются передо мною новые предметы, о которыхъ при первомъ случаѣ не премину тебя увѣдомить.

ПИСЬМО XX.

Отъ Силфа Дальновида къ волшебнику Маликульмулку.

Весьма часто, мудрый *Маликульмулкъ*, оплакиваю я злополучіе смертныхъ, поработившихъ себя власти и своенравію такихъ людей, кои родились для ихъ погибели. Львы и тигры менѣе причиняли вреда людямъ, нежели нѣкоторые Государи и ихъ

Министры. Скажи, премудрый *Малихульмулькъ*, бросался ли когда левъ, возбужденный величайшимъ гладомъ, на подобнаго себѣ льва, и раздиралъ ли его на части для утоленія своего голода? Напротивъ шого, ежегодно почти видимъ мы людей, которые для удовлетворенія своего тщеславія, гордости или корыстолюбія, жертвуютъ подобными себѣ людьми безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Не подъ владѣніемъ однихъ только тирановъ видимы были цѣлыя Государства повержены въ бездну злополучія; много было такихъ Государей, коимъ хотя потомство приписываетъ великія похвалы; однакожъ они не менѣе другихъ вреда людямъ причинили. *Неронъ* выжегъ Римъ для удовлетворенія своего безчеловѣчія; Юлій Кесарь наполнилъ кровью и грабительствомъ всю Римскую Имперію, дабы чрезъ то показать свое могущество. Не все ли равно для людей, отъ какой бы причины они ни поги-

бали? Все то, что ихъ истребляетъ, не-можетъ быть имъ пріятно.

Область опустошенная тщеславнымъ побѣдителемъ, не должна ли почитать его чудовищемъ, рожденнымъ для погибели рода человѣческаго? Кто далъ право человѣку, убивать милліонъ подобныхъ себѣ людей для удовлетворенія своихъ пристрастій? Въ какомъ установленіи естественнаго закона можно найти, что множество людей должны принесены быть въ жертву тщеславію, или лучше сказать, бѣшенству одного человѣка? Всѣ сіи мнимые герои, которымъ ослѣпленные смертные придаютъ пышное названіе *Великихъ* и *Побѣдителей*, въ глазахъ истиннаго Философа суть не что иное, какъ *Нероны* и *Калигулы;* разность между ими только та, что сіи Римскіе Императоры истребляли людей въ своихъ владѣніяхъ; а тѣ погубляютъ какъ своихъ, такъ и подданныхъ сосѣдственныхъ Государей.

Монархъ предпріемлющій войну для защищенія своихъ областей, и для поддержанія правъ и преимуществъ своего народа, есть мудрый отецъ, обремененный великою семьею дѣтей, коихъ хранитъ и оберегаетъ онъ отъ ненависти ихъ непріятелей; на противъ того, Государь некупійся единственно о удовлетвореніи своего тщеславія, и убѣгающій мира для пагубнаго только удовольствія, чтобъ вести безпрестанно войну, наноситъ болѣе вреда людямъ, нежели язва и голодъ. Можно предохранить себя отъ недостатка въ пропитаніи, выписавъ хлѣбъ изъ другихъ земель: отъ заразительной болѣзни есть такъ же средство избавиться, удаляясь въ тѣ мѣста, гдѣ оная еще не свирѣпствуетъ; но тщеславнаго Государя никакъ избѣгнуть не возможно. Подобясь низпадающему съ крутизны горъ источнику, поглощаетъ онъ все, что въ пути своемъ ни встрѣчаетъ. *Александръ* гналъ людей и на конецъ

вселенной; *Карлъ* XII. подражая его примѣру, столько же бы, можетъ быть, причинилъ вреда людямъ, сколько и сей Македонскій Государь, если-бъ Небо, для спасенія рода человѣческаго, не низпослало въ свѣтъ мудраго и человѣколюбиваго Государя, который, преобразя души своихъ подданныхъ, обуздалъ чрезъ то пагубное стремленіе сего надменнаго врага человѣчества.

Кажется, что люди тѣхъ только Монарховъ называютъ *Великими*, которые во время своего царствованія истребили изъ нихъ нѣсколько милліоновъ: на противъ тѣмъ, кои не погубляли рода человѣческаго, приписываютъ они только названіе *кротхихъ* и *справедливыхъ*. Бѣдственное и странное обыкновеніе!... Государи истинно *Великіе*, слѣдуя ихъ предразсудкамъ, должны уступать въ славѣ тѣмъ, конхъ мщеніе правосудныхъ Небесъ употребляетъ для наказанія развращенныхъ человѣковъ, вмѣсто язвы и голода.

Не одно только тщеславіе побѣдителей причиняетъ гибель роду человѣческому; корыстолюбіе столько же иногда бываетъ пагубно, какъ и наикровопролитнѣйшая война. Гораздо бы было лучше для нѣкоторыхъ Государей, чтобъ потеряли они половину своихъ подданныхъ на сраженіи, или при осадѣ какого города, нежели собравъ ихъ имущество къ себѣ въ сундуки, поморить послѣ съ голоду. Смерть воина, сраженнаго во время битвы скоропостижнымъ ударомъ, не столь мучительна, какъ смерть бѣднаго земледѣльца, который истаеваетъ подъ бременемъ тяжкой работы, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе, и который истощивъ всѣ свои силы для удобренія земель, видитъ поля, обѣщающія вознаградить его обильною жатвою, расхищаемыя корыстолюбивымъ Государемъ; смерть, говорю я, сего бѣднаго земледѣльца во сто разъ жесточае смерти воина, оканчиваю-

щаго въ одно мгновеніе жизнь свою на сраженіи. Тщетно бѣдные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжанія отъ жадности корыстолюбиваго Государя; опредѣляемые отъ него надзиратели, сборщики и поставщики пробѣгаютъ безпрестанно города и селенія; и сіи ненасытные піявицы высасываютъ кровь у бѣднаго народа даже до послѣдней капли.

Ревность Государей къ распространенію своего закона, не менѣе причиняла вреда людямъ, какъ и другія ихъ пристрастія. Сколько во Франціи несчастныхъ принесено было въ жертву злости и ненависти безчеловѣчныхъ пустосвятовъ? Государи предубѣренные сими лицемѣрами думали, что убивая людей, не только что изтребляли въ нихъ своихъ непріятелей; но и угождали тѣмъ самому Богу.

Защитники нетерпимости другихъ вѣръ въ Государствѣ, для извиненія своихъ безчеловѣчій, говорятъ: *локо-*

ритесь намъ; мы воздвигая на васъ временное гоненіе, устрояемъ чрезъ то вѣчное ваше спасеніе. Вы заблуждшія овцы, коихъ противъ воли желаемъ мы возвратить на пажить Господню. Жестокіе пастыри! можно бы было имъ сказать, въ тысячу разъ свирѣпѣйшіе, нежели наилютѣйшіе звѣри. Не уже ли думаете вы свирѣпствомъ и безчеловѣчіемъ преклонить къ себѣ сердца человѣческія? Почто гоните вы несчастныхъ, которые, какъ вамъ, такъ и обществу ни малѣйшаго зла не причинили? Безжалостные вѣропроповѣдники! между вами и *Нерономъ* нѣтъ никакого различія; тотъ посредствомъ огня и меча хотѣлъ, чтобъ всѣ люди были язычники: а вы тѣ же самыя средства употребляете, чтобъ преобратить всѣхъ въ Католиковъ. Христіане, отступившіе отъ вѣры, отнюдь не были увѣрены въ тѣхъ нелѣпыхъ идолопоклонническихъ догматахъ, которымъ для избѣжанія смерти они послѣдовали; равнымъ

образомъ Протестанты, Жиды и Лютеране, принужденные для избѣжанія вашихъ гоненій перемѣнишь свой законъ, гнушаются во внутренности своихъ душъ тѣмъ, который наружно они исповѣдуютъ. Такимъ образомъ темницы, плѣтки и висѣлицы принуждаютъ только людей притворно вѣрить тому, чему они не вѣряпъ. Смѣете ли вы несмысленные и безчеловѣчные Богословы утверждать, чтобъ мученія людей повелѣно было вамъ милосердымъ Богомъ? Вы не только не ужасаетесь своихъ злодѣяній; но и Всевышнее Существо представляете столь же кровожаждущимъ, каковы вы сами.

Я чувствую, премудрый *Малкульмилкъ*, что воспоминая пагубныя дѣла нѣкоторыхъ безчеловѣчныхъ Законопроповѣдниковъ, не могу удержаться, чтобъ не ощутить къ нимъ величайшаго омерзѣнія. Противъ воли лишаюсь я философической моей твердости; ибо бѣдствія причиненныя

людямъ суевѣріемъ такъ велики, что разсуждая объ оныхъ не льзя быть равнодушну; и для того прекращая сіе письмо, я всячески буду впредь стараться, чтобъ удалять отъ себя сколь печальныя мысли.

ПИСЬМО XXI.

Отъ Гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликулмулку.

У насъ, любезный *Маликулмулкъ*, часъ отъ часу дѣлается больше перемѣнъ. *Прозерпинины* поѣздки, думаю, со временемъ во всемъ адѣ не оставятъ ни одной головни на своемъ мѣстѣ.

Тебѣ уже извѣстенъ несчастный случай съ нашими судьями, что двое изъ нихъ оглохли, а третій сошелъ съ ума; *Плутонъ* видя, что они неспособны болѣе отправлять прежнюю должность, вздумалъ на время самъ

сѣсть на ихъ мѣсто; но не привыкши къ судебнымъ дѣламъ, онъ часто запутывался въ своихъ резолюціяхъ, и начиналъ бѣлымъ, а оканчивалъ черными; такъ что адскіе приставы, которые отводятъ души въ назначенныя мѣста, могли переворачивать его слова, какъ хотѣли; отъ чего у насъ завелись превеликіе взятки, и тѣни очень на это жалуются; и адскіе крючкотворцы, когда захотятъ, то въ силу начала резолюціи отвести ихъ въ Рай, а въ силу окончанія бросить въ вѣчную муку. Я увѣренъ, что въ нынѣшнее время *Сократъ* и *Діогенъ* не такъ скоро попались бы въ Елисейскія поля, какъ *Крезъ* и *Дарій*.

Непорядки въ дѣлахъ еще умножаетъ то, что *Плутонъ* сдѣлался нѣсколько лѣнивъ и вдался въ разныя забавы. Между прочимъ онъ сталъ великимъ охотникомъ до живописи. *Прозерпина*, не знаю съ какимъ намѣреніемъ, старается какъ можно больше

отводить его отъ дѣлъ и возбудить въ немъ разныя склонности, которыя представляли бы его первымъ нерадивцемъ во всемъ адѣ. Не рѣдко, когда сказываютъ ему, что многія пѣвни прибыли съ того свѣта и ждутъ его рѣшеній, и когда уже принимается онъ разбирать ихъ дѣла, тогда *Прозерпина* приказываетъ принести дюжины двѣ бутылокъ лучшихъ винъ, присланныхъ къ ней съ того свѣта. „Вотъ, душа моя! говоритъ она ему, „напитки, которые въ открытомъ „свѣтѣ употребляются всѣми судья- „ми; тамъ часто многіе блюстители „правосудія того мнѣнія, что лучшей „способъ рѣшить премудро самое за- „путанное дѣло есть тотъ, чтобъ „прежде опорожнить съ полдюжины „такихъ бутылокъ; это не вино, а „премудрость заключенная въ бутыл- „кахъ, и мнѣ не рѣдко случалось ви- „дать секретарей, идущихъ въ при- „казы съ такимъ тяжелымъ грузомъ „сей премудрости, что они не до-

„нести его до приказа съ ногъ свали-
„вались; но ты, любезной *Плутонъ*,
„Богъ, тебѣ не можетъ быть вредна
„премудрость такъ, какъ человѣку;
„а изъ нихъ многіе думаютъ, что для
„человѣка разумъ вреденъ; и такъ
„ты не откажешь для меня выпить
„хотя нѣсколько рюмокъ.„ Наконецъ
она принуждаетъ его пить за здо-
ровье своихъ братьевъ, а потомъ за
здоровье ее, и такимъ образомъ пере-
бираетъ всю свою родню по очереди.
Бѣдный *Плутонъ* сколько ни отго-
варивается; но она говоритъ ему,
что въ большемъ свѣтѣ почитается
неучтивостью, естьли кто за здо-
ровье знакомыхъ откажетъ напиться
до пьяна: въ слѣдствіе сего очень
часто нашъ Богъ, не успѣвая пере-
считать рюмками всѣ здоровья, спо-
койно засыпаетъ, ничего не сдѣлавъ,
и весь Дворъ ставитъ за честь въ
томъ ему подражать. Я думаю, лю-
безный *Маликулмулькъ*, что ты этому
не такъ станешь дивиться, потому

что свойство придворныхъ тебѣ, какъ жителю свѣта, болѣе извѣстно; но что принадлежитъ до здѣшнихъ Философовъ, которые видятъ это въ первый разъ, то имъ показался нашъ дворъ бѣднымъ домомъ.

Между тѣмъ множество приходящихъ тѣней толпятся у двора и ждутъ рѣшеній своей судьбы; но *Плутонъ* откладываетъ оныя, не зная какъ ихъ дѣлать. *Марсъ* думая подслужиться дядюшкѣ своей любовницы, ежечасно присылаетъ къ намъ новыхъ жителей; однакожъ онъ не знаетъ, что тѣмъ только мѣшаетъ бѣдному *Плутону* въ его забавахъ, который то и дѣло посылаетъ провѣдывать о здоровьѣ больныхъ судей; но *Галенъ*, *Эскулапій* и *Гиппократъ* доносятъ, что никакихъ еще нѣтъ признаковъ къ ихъ выздоровленію. Къ *Христофу* такъ же посыланы были приказы, чтобъ онъ старался поскорѣй отыскать трехъ честныхъ и умныхъ судей; но и тотъ покорнѣйше увѣдомляетъ, что всѣ

его поиски напрасны, и что онъ скорѣе возмется сыскать трехъ Фениксовъ, шесть Василисковъ и десять Единороговъ; нежели одного такого судью, каковы были *Миносъ* съ его товарищами; а сверхъ того онъ доноситъ, что со времени ихъ прибытія въ адъ, сдѣлалась на землѣ великая перемѣна, и разумъ съ честностію въ превеликой ссорѣ; такъ что нынѣ въ свѣтѣ много можно сыскать добродушныхъ дураковъ и умныхъ бездѣльниковъ; но добродѣтельные мудрецы очень рѣдки; а особливо на судейскихъ стульяхъ. И самому *Плутону* не хочется, чтобъ въ Елисейскія поля былъ впущенъ всякой безъ разбору, и чтобъ награжденія раздавались по прискамъ.

Такимъ-то образомъ желая сего избѣжать, самъ *Плутонъ* занимался разсматриваніемъ дѣлъ, какъ вдругъ вошла къ нему *Прозерпина*. Любезный супругъ, сказала она ему, ты уже довольно потрудился и попотѣлъ:

оставь пожалуй етотъ скучный столъ и пойдемъ лучше на мою половину; я даю севодни столъ, превеликолѣпной концертъ, балъ, и послѣ театральное зрѣлище. — Душа моя, отвѣчалъ, нахмуривъ брови, важный *Плутонъ*, дай мнѣ окончать хотя нѣсколько дѣлъ: ты уже и такъ причиною тому, что я остался безъ помощи, и долженъ самъ разсматривать дѣла и самыхъ послѣднихъ негодяевъ. Сказывай, говорилъ онъ потомъ одному Италіянцу, что ты въ свой вѣкъ дѣлалъ? — Я ваше адское величество, отвѣчалъ Римлянинъ, сорокъ восемь лѣтъ прыгалъ выше всѣхъ въ Европѣ. Имя мое славно на всѣхъ театрахъ; но дарованія нигдѣ не оспаюшся безъ гоненія: изъ нѣкоторыхъ мѣстъ я былъ вытѣсненъ знатными за то, что получалъ доходу болѣе ихъ; одинъ полководецъ охотникъ великой до скачковъ, чуть было не уморилъ меня за то, что я вспрыгнулъ выше его; а нѣкоторой знатной господинъ, коего

сынъ занималъ важное мѣсто въ Государствѣ, посредствомъ проворства своихъ ногъ и былъ первымъ танцовщикомъ, не могъ терпѣть меня за то, что я показавшись на придворномъ театрѣ, уничтожилъ все вниманіе двора къ ногамъ сего молодаго вельможи, послѣ чего и голова его потеряла всю довѣренность..... Но дѣлалъ ли ты какія нибодь добрыя дѣла? спросилъ у него *Платонъ*. — Множество, отвѣчалъ тонконогій *Фирбитій*; я выучa одного бѣднаго дворянина танцовать, сдѣлалъ тѣмъ его счастіе, и онъ посредствомъ танцованія дошелъ наконецъ до великихъ чиновъ. Нѣкоторой молодой женщины мужъ былъ за взятки посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ наказанію, которое бы конечно надъ нимъ исполнилось; но я научилъ ее какимъ образомъ должна она была притти предъ вельможу; я расписалъ ей всѣ шаги и всѣ поклоны; научилъ, какъ ей надобно было плакать и какія пріят-

ности употреблять въ движеніи рукъ, такъ какъ то часто дѣлаютъ балетныя героини: отъ чего была она счастлива, половину моимъ, а половину можетъ быть и своимъ искуствомъ, и мужа ея оставили по прежнему на судейскомъ стулѣ, гдѣ онъ подъ покровительствомъ женщинъихъ балетныхъ ухватокъ, пользовался какъ могъ своимъ мѣстомъ. Одна знатная дама выгнала изъ своего дома молодаго любимца; онъ бросился ко мнѣ, я показалъ ему всѣ тонкости моего знанія, и онъ провѣдавъ, что бывшая его благодѣтельница будетъ на балѣ у одной госпожи, танцовалъ на ономъ съ такою пріятностію, что она его съ балу отвезла опять къ себѣ въ своей каретъ. Я множество дѣлалъ еще добрыхъ дѣлъ; я распространилъ мое искуство и исполнялъ свое званіе съ величайшимъ раченіемъ; въ чемъ свидѣтельствовать можетъ то, что нынѣ многіе судьи знаютъ лучше танцовать, нежели судить, и многіе

молодые воины болѣе имѣютъ духу пропрыгать контрданецъ, или сдѣлать хорошій антраша, нежели оставя балы итти въ поле шагать подъ военную музыку, которая всегда деретъ нѣжный слухъ хорошаго танцовщика, привыкшаго къ пріятной гармоніи минуетовъ, Польскихъ и Кадрилей.

Бросьте сего развратителя благопристойности и нравовъ, вскричалъ *Плутонъ*, танцовать подъ музыку *Элементовъ*; самыя его благодѣянія унижаютъ, какъ его самаго, такъ и тѣхъ, кому они оказаны; а пользы свѣту его скачки очень мало сдѣлали. — Помилуй жизнь моя, сказала *Прозерпина Плутону*, схватя за руку Италіянца; помилуй, ты заставляешь меня краснѣться за себя: ты богъ, а право менѣе смыслишь, нежели послѣдней деревенской мужикъ. Возможно ли такъ мало уважать рѣдкія дарованія этого любезнаго человѣка! Право ты очень гадокъ съ твоими

глупыми сантансами. Знай, сударь, продолжала она, что нынѣ весь большой свѣтъ пляшетъ, и что никакое искусство не почитается столь почтеннымъ, какъ плясовальное: оно приноситъ уваженіе и доставляетъ богатство и чины. Не рѣдко о томъ, кто хорошо прыгаетъ контрпляцы заключаютъ, что онъ можетъ быть искусной воинъ и даютъ ему полкъ; а самой искусной полководецъ, которой не знаетъ плясовать, почитается невѣжею. Какой ты сыщешь дворъ, гдѣбъ не было уважено плясованье? а ты сударь хочешь подвергнуть наказанію человѣка рѣдкаго въ своемъ родѣ, котораго одна нога стоитъ десяти такихъ головъ, какова твоя; и такъ я сказываю тебѣ, что я беру его подъ свое покровительство, дѣлаю его первымъ балетмейстеромъ своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него плясать. — Развѣ ты хочешь сдѣлать изъ меня мальчика, богиня? вскричалъ

Плутонъ; какъ! мнѣ учиться танцовать! мнѣ быть прыгуномъ! или ты хочешь меня выгнать отсюда своими попрыгушками? — Не выгнать, отвѣчала *Прозерпина*; а заставить тебя почувствовать, что танцованье всего почтеннѣе. Я сама бывши на свѣтѣ, повседневною была свидѣтельницею, что хорошаго танцмейстера лучше принимаютъ, нежели заслуженаго офицера, и что въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ, вообще, хорошія ноги въ большемъ уваженіи, нежели хорошія головы.

Послѣ такого изрядnаго объявленія, бѣдный *Плутонъ* не зналъ что дѣлать, и лишился удовольствія наказать тонконогаго шунеядца, которому препоручила богиня составить свой дворъ. Едва окончился ихъ споръ, какъ предсѣли предъ *Плутона* доктора, и доносили его безсмертію, что адскіе судьи совершенно здоровы: смѣются, ходятъ, пьютъ и ѣдятъ; но что двое изъ нихъ навсегда оглохли, а третій

невозвратно лишился ума, и такъ куда приказано будетъ ихъ помѣстить. *Плутона* не мало обезпокоилъ сей вопросъ, и онъ не успѣлъ еще сдѣлать рѣшенія, какъ предсталъ предъ него одинъ духъ, который просилъ его именемъ судей, что бы позволилъ онъ имъ судить по прежнему тѣни; что еще въ большее привело замѣшательство бѣднаго *Плутона*, и онъ совсѣмъ не зналъ что дѣлать.

Прозерпина совѣтовала ему, чтобъ изъ уваженія къ ихъ службѣ, не смотря на то, что они повредились, оставить ихъ и прежнихъ тѣнями, и что лучше имѣть какихъ нибудь помощниковъ, нежели самому за всѣ дѣла приниматься. *Плутонъ* можетъ быть и самъ бы на это покусился для своей живописи; но онъ боялся *Юпитера*, которому не преминулъ бы *Меркурій* наушничать по своей склонности. Танцмейстеръ подъ покровительствомъ *Прозерпины*, подалъ слѣдующій голосъ: ваше адское вели-

чество, сказалъ онъ, хотя я живши на свѣтѣ болѣе прыгалъ, нежели вмѣшивался въ политическія дѣла, но слухъ о многихъ изъ нихъ доходилъ до моихъ ушей, и я нѣсколько успѣлъ узнать политическіе поступки въ такихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что хотя *Миносъ*, *Родомантъ* и *Еакъ* танцовать не умѣютъ; однако я признаюсь, что долговременная ихъ служба уваженія достойна: а всего важнѣе, что между ими есть сынъ *Юпитеровъ*, то вамъ не обидя батюшки, не льзя сынка отставить отъ мѣста; такъ же по слабости ихъ не льзя имъ поручить и отправленіе важныхъ дѣлъ, неподвергнувъ ихъ тѣмъ замѣшательству; почему остается вамъ одинъ способъ, что бы оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства, не давать имъ власти, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ приставить къ нимъ умнаго секретаря, которой бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписы-

вали то, что онъ имъ скажетъ. Всѣ присутствующіе похвалили его предложеніе, за что отвѣсилъ онъ многимъ по пренизкому поклону *a la mingуетъ*, которые сдѣлали его въ глазахъ женщинъ совершеннымъ умницею.

Ахъ! какое это сокровище; вскричала *Прозерпина*, естьлибъ онъ вѣчно рта не отворялъ, то всякой бы его шагъ доказывалъ, что его умнѣе никого нѣтъ на свѣтѣ. Самъ *Плутонъ* долженъ былъ признаться, что *Фурбинй* превеликой Политикъ, и обѣщалъ приказать, списать съ него углемъ портретъ для своей галлереи.

Но чтобъ довести свое предложеніе до совершенства, *Фурбинй* обѣщался судей выучить танцовать. Это очень нужно, говорилъ онъ, чтобъ секретари знали бумаги, а судьи бы хорошо танцовали. Въ нашемъ свѣтѣ, продолжалъ онъ, такой судья получаетъ покровительство женщинъ, и дѣлаетъ изъ себя важную особу при дворѣ. Онъ видѣлъ на

всѣхъ балахъ, во всѣхъ маскарадахъ, и во всѣхъ гуляньяхъ; а между тѣмъ гремитъ скорыми рѣшеніями своихъ дѣлъ. Публика дивится его проворству и расторопности; всѣ вычитаютъ время его упражненія и находятъ, что онъ въ сутки не болѣе долженъ спать двухъ часовъ. При дворѣ дѣлаютъ о немъ заключеніе, что это существо произведено цѣлыми вѣками съ тѣмъ, что бы служить украшеніемъ двору, дѣлать честь отечеству своими сочиненіями, и быть славнѣйшимъ Министромъ. Всѣ кричатъ: ахъ какъ онъ хорошо танцуетъ! какой онъ умница! какой исправной судья! и какой рѣдкой сочинитель! но отними у сего чуда природы его секретаря и человѣка три ученыхъ, которыхъ труды издаетъ онъ подъ своимъ именемъ; то останется при немъ одно танцованье, коимъ приобрѣлъ онъ такую довѣренность.

Чувствуешь ли ты теперь драгоцѣнность сего искуства, сказала

Прозерпина своему мужу, и не согласишься ли самъ, что непремѣнно надобно изъ Елисейскихъ полей вытолкать всѣхъ древнихъ мудрецовъ и героевъ, не умѣющихъ танцовать; а на мѣсто ихъ помѣстить туда одних танцмейстеровъ.... Она бы еще далѣе продолжала, естьлибъ не вбѣжали къ нимъ опроменью наши три судьи.

Ваше адское величество, сказалъ *Еакъ* подошедши къ *Плутону*, древность моихъ лѣтъ и долговременность нашей службы не такого достойны награжденія, чтобъ отдашь насъ на мученіе премъ палачамъ, которые едва насъ вновь не уморили своими дьявольскими лѣкарствами, тогда, когда мы не чувствуемъ никакой болѣзни; развѣ смѣются надъ нами, что въ то время, когда болѣе обыкновеннаго приходишъ сюда тѣней и кучами тѣснятся на нашей площади; а что всего достойнѣе уваженія, когда сильнѣйшая охота напала на насъ судить, тогда мы заперты

въ какой-то негодной карантинъ и содержимся какъ бѣшеные; или выпустите насъ вонъ изъ ада, или посадите по прежнему на наши стулья. — Я тысячу разъ виноватъ предъ вами, любезные друзья, отвѣчалъ *Плутонъ;* но мнѣ донесено, что двое изъ васъ оглохли, а ты *Миносъ* сошелъ съ ума. — „Какъ! я сошелъ съ ума! „вскричалъ *Миносъ*, который тогда „пускалъ на воздухъ водяные пузырь„ки? Какая ябеда!... О боги! сдѣлай„те, чтобъ всѣ мои пузырьки по„сѣли на носъ тому, кто называетъ „меня безумнымъ. Естьли хотите „знать, ваше адское величество, про„должалъ онъ, такъ я никогда такъ „уменъ не былъ, какъ нынѣ; въ чемъ „свидѣтельствуюсь тѣмъ, что я вы„брилъ бороду, ношу Французскіе „кафтаны, и сдѣлался любимъ мно„гими женщинами, которыя прежде „терпѣть меня не могли за мою „угрюмость.... Пустите, пустите „меня на мой стулъ; вы увидите,

„какой новой видъ я дамъ моему суду:
„всѣ красавицы, которыя прежде
„подвергались здѣсь штрафу за свои
„непорядки, и всѣ славнѣйшія *Лаисы*
„нынѣшняго свѣта будутъ видѣть
„здѣсь во мнѣ покровителя, и всякая
„хорошая женщина впредь можетъ
„откупашься у меня отъ наказанія
„тѣмъ, чемъ въ открытомъ свѣтѣ
„у судей часто находятъ онѣ себѣ
„покровительство; одинъ только упря-
„мицы будутъ мною жестоко на-
„казаны.„

Я хочу быть сама сумасшедшая, сказала *Прозерпина*, естьли онъ сошелъ съ ума; ты самъ согласишься, жизнь моя! что онъ никогда такъ умно не суживалъ; я до сихъ поръ всегда взирала съ оскорбленіемъ, что здѣсь хорошимъ женщинамъ предъ дурными никакого не дѣлается отличія, и что наши судьи имѣли жестокость, равнодушно съ ними обращаться; напрошивъ того въ просвѣщенномъ открытомъ свѣтѣ совсѣмъ

не то. Тамъ прекрасныя женщины избавлены отъ всякой опасности, и часто выигрываютъ самыя трудныя дѣла. Красота послѣ золота для многихъ судей есть второй камень соблазна..... А особливо, перехватилъ Италіянецъ, тѣ, которыя знаютъ хорошо танцовать, очень сильны въ большомъ свѣтѣ; онѣ не рѣдко судами ворочаютъ для того, что ихъ не только простолюдимы, но и чиновные боятся.

Плутонъ со всѣми ихъ доказательствами видѣлъ, что доносъ на судей справедливъ; но уважая жену и ихъ службу, сказалъ, что чрезъ шесть часовъ сдѣлаетъ онъ рѣшительное опредѣленіе. *Прозерпина* и Италіянецъ не мало старались помочь ему своими совѣтами; но примѣтя, что онъ не на шутку занятъ, ушли всѣ на половину богини, что бы тамъ открыть балъ, къ которому и трое судьи приглашены были; и такъ оставили спокойно разсуждать одного бога тѣней.

Онъ не долго ломалъ голову, какимъ образомъ поступишь въ семъ обстоятельствѣ, и сдѣлалъ такое дѣло, которое много произвело шуму въ адѣ. Въ шесть минутъ повелѣніемъ его поставлены были преогромныя палаты съ надписью: *Уголовная богадѣлня*, въ которыхъ приказалъ онъ поставить стулья для судей, одѣть ихъ какъ куколъ, и накласть передъ ними множество игрушекъ. Многія пѣши уставлены по всѣмъ лѣстницамъ, что бы судьямъ клаияпься, когда они проходить будутъ къ своимъ стульямъ, гдѣ по прежнему должны они будутъ судить пѣшей; но съ тою разницею, что бы по ихъ приговорамъ не дѣлать ни одного рѣшенія; а чтобъ не надѣлали они какихъ шалостей, то къ сей *богадѣлнѣ* приставленъ надзиратель съ предлинною палкою, у которой на концѣ навязанъ пучокъ крапивы: ею долженъ онъ ихъ бить по рукамъ, естьли примутся они не за свое дѣло;

а что бы ихъ болѣе занять, то велѣно имъ наблюдать прибыль и убыль въ *Стиксѣ*, *Ахеронѣ* и *Кацитѣ*; сочинять о томъ ежедневную записку; дѣлать свои разсужденія и подавать голоса, чтобъ удерживать въ берегахъ ихъ воды, которыя и безъ того изъ береговъ никогда не выходили. Имъ растолковано, что отъ нихъ зависитъ спасеніе всего ада, и наши бѣдные судьи безпрестанно ломаютъ голову, чтобъ уменьшивать прибыль здѣшнихъ рѣкъ, хотя онѣ никогда не грозятъ наводненіемъ. Сіи-то важныя дѣла занимаютъ нынѣ нашихъ судей, и они наперерывъ стараются подавать голоса и дѣлать примѣчанія. Надзиратель беретъ оныя всегда съ уваженіемъ и относитъ къ *Плутону*, который отдаетъ ихъ *Прозерпинѣ* на завивныя бумажки.

ПИСЬМО XXII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликулъмулъку.

Разсуждая, премудрый *Маликульмулькъ*, о многоразличныхъ бѣдствіяхъ удручающихъ родъ человѣческій, нахожу я, что люди во время только сна, сопровождаемаго пріятными мечтаніями, избавляются на нѣсколько времени отъ тягостнаго бремени своихъ злополучій. Я признаюсь однакожь, что сонъ есть подобіе смерти; но сіе случается только тогда, когда духъ и тѣло погружены бываютъ въ совершенную безчувственность: естьли же человѣкъ видитъ во снѣ пріятныя сновидѣнія, тогда столь же онъ бываетъ благополученъ, какъ и тотъ, который не спитъ.

Положимъ, чтобъ человѣкъ спалъ двадцать лѣтъ сряду, и чтобъ безпрестанно снилось ему, что онъ будучи сильнымъ Государемъ, беретъ

множество городовъ, опустошаетъ области, и торжествуетъ надъ всѣми своими непріятелями; тогда не сколько же бы сей сновидящій Герой былъ счастливъ, какъ и наивеличайшіе въ свѣтѣ Государи? Наслаждаясь мечтательными своими побѣдами, ощущалъ-бы онъ такое же точно удовольствіе, какое чувствовали нѣкогда Юлій Кесарь, Сципіонъ и Генрихъ IV, съ тою при томъ разностію, что спокойствіе его не возмущалось бы никогда такими злополучіями, какія случились съ Помпеемъ, Франциском Ъ I, и Карломъ XII. Сей спящій и грезящій побѣдитель гораздо бы былъ благополучнее многихъ настоящихъ завоевателей.

Бѣдный спящій сочинитель, великія имѣлъ бы преимущества предъ тѣмъ, который не спитъ. Ему снилось бы, что Публика превозноситъ до Небесъ похвалами глупыя его сочиненія, и что *Расинъ*, *Корнелій* и *Дестро* въ ученики къ нему негодятся.

Будучи преисполненъ свойственнымъ всѣмъ Авторамъ самолюбіемъ, помѣщаетъ онъ себя въ число славнѣйшихъ въ древности мудрецовъ; удивляется обширнымъ своимъ познаніямъ, и восхищается скучными и ничего незначущими произведѣніями своего пера; но проснувшись, вся его слава и достоинство мгновенно изчезаютъ. *Счастливый сонъ!* вскричалъ бы онъ тогда, *почто ты не во всю мою жизнь продолжался? Лестное мечтаніе! для чего ты столь скоро изчезаешь? Не гораздо ли бы было для меня лутше, что бы я вѣчно спалъ, и что бы снилися мнѣ безпрестанно такія хорошія сновидѣнія?*

Разсматривая различныя состоянія человѣческой жизни, мудрый *Магикуллиллъ*, легко можно примѣтить, что нѣтъ ни одного, въ которомъ бы сонъ, для сосшавленія блаженства оной, былъ не нуженъ. Жребій *Сатирновъ*, коего, какъ тебѣ извѣстно, *Юпитеръ* усыпилъ посредствомъ нѣ-

котораго порошка, кажется мнѣ гораздо счастливѣе, нежели самаго *Юпитера*. Обладатель Олимпа очень ошибся, что не принялъ самъ сего *Олиума*, тогда не былъ бы онъ принужденъ, для убѣжденія свирѣпыхъ красавицъ, превращаться въ различные виды, какъ сіе съ нимъ не однократно случалось, и не страшился бы ревности жены своей *Юноны*. Не должно ли почитать безумцемъ того мужа, который имѣя злую и безпутную жену, не захотѣлъ бы перемѣнить настоящее свое мученіе на пріятныя сновидѣнія?

Какое счастіе послѣдовало бы для всѣхъ людей, мудрый *Малкулкулькъ*, естьлибъ *Юпитеръ* ошкрылъ имъ тайну, какъ составлять сей усыпляющій порошокъ! Какое бы собралъ богатство тотъ лѣкарь, которой бы нынѣ оный изобрѣлъ; и сколькобъ было тогда спящихъ во всемъ свѣтѣ! Рогоносецъ наслаждался бы сладкимъ покоемъ, не помышляя о новомодномъ

своемъ головномъ уборѣ; промотавшійся Петиметръ, позабылъ бы тогда о своихъ заимодавцахъ; устарѣлыя дѣвицы, которымъ незамужство чрезвычайно наскучило, выходили бы во снѣ за мужъ за молодыхъ и пригожихъ женховъ; бѣдный Аббатъ превращался бы въ богатаго Прелата; Прелатъ въ Кардинала; Кардиналъ пользовался бы мечтательнымъ достоинствомъ Папы; а Папа мыслилъ бы о себѣ, что онъ побѣдитель и законодатель всего свѣта.

Всѣ Европейцы, или лучше сказать, всѣ жители земнаго шара спали бы безъ просыпу; ибо что можетъ быть блаженнее для людей, какъ избѣгая тѣхъ печалей, которыя неразлучно сопряжены съ человѣчествомъ, наслаждаться хотя мечтательнымъ благополучіемъ.

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни былъ, безпрестанно раждающіяся въ немъ новыя желанія лишаютъ его спокойствія, и онъ никогда не мо-

жетъ быть благополученъ. И такъ во время только сна человѣкъ наслаждается совершеннымъ блаженствомъ. Такова есть участь смертныхъ; они тогда только могутъ почитать себя счастливыми, когда наслаждаются мечтательными воображеніями. Всѣ ихъ забавы сопряжены съ печалями, даже и въ то самое мгновеніе, когда исполняются напріятнѣйшія ихъ желанія, съ удивленіемъ ощущаютъ они въ себѣ безпокойство, страхъ, надежду, и всѣ другія страсти, произпскающія отъ нѣхъ же увеселеній, которыя почитали они чуждыми всякихъ печалей.

Возмемъ въ примѣръ любовника, который по преперпѣніи множества злоключеній, соединяется наконецъ съ обожаемымъ имъ предмѣтомъ неразрывными узами. Онъ клянется, что не промѣняетъ своего благополучія на обладаніе Пресѣломъ всего свѣта, и что счастіе, которымъ онъ наслаждается, превосходитъ всѣ его

желанія; но лишь только произноситъ онъ сіи великолѣпныя восклицанія, какъ ощущаетъ въ себѣ страхъ, дабы не лишиться какимъ случаемъ того, что составляетъ все его блаженство. Слабые смертные! когда всѣ ваши забавы сопровождаются печалями, и когда несчастіе по всюду за вами слѣдуетъ, то чтобъ быть вамъ совершенно благополучными, спите лучше и никогда не пробуждайтесь.

Придворной, пользующійся милостями своего Государя, какими неисчетными трудами и огорченіями долженъ снискивать оныя? Воинъ счастливѣе ли придворнаго? Можно ли почесть таковымъ человѣка, которой, для пріобрѣтенія ничего не значущихъ почестей, согласнается добровольно быть изуродованъ? Купецъ, который не спитъ ни днемъ ни ночью, который для барыша готовъ удавиться, и которой при одномъ названіи *банкрута* отъ ужаса тре-

пещетъ, можетъ ли когда быть спокоенъ? Земледѣлецъ, угнѣтенный тяжкимъ бременемъ несносной работы, доволенъ ли своимъ состояніемъ? Заставимъ лучше всѣхъ сихъ несчастныхъ спать, мудрый *Маликуллилжъ*, и дадимъ имъ способность грезить безпрестанно хорошіе сны; тогда-по развѣ будутъ они благополучны. Придворный сброситъ съ себя, угнѣтающія вольность его, золотыя оковы; воинъ не захочетъ быть изъ пустяковъ изувѣченъ; купецъ перестанетъ мыслить о прибыткѣ; земледѣлецъ избавится отъ тяжкой работы. Всѣ они будутъ спокойны, и всѣ ихъ труды, печали и безпокойства совершенно уничтожатся. Сіи люди, которые въ жизни своей столь были несчастливы, займутся во время сна пріятными сновидѣніями, которыя въ грезящемъ ихъ воображеніи безпрестанно будутъ перемѣняться.

Наконецъ, премудрый *Маликулмулкъ*, ты долженъ былъ примѣтить

при началѣ моего письма, что говоря о выгодахъ сна, упоминалъ я о такомъ, который сопряженъ бываетъ съ пріятными мечтаніями, и который подаетъ людямъ нѣкоторое понятіе о томъ спокойствіи, коимъ будутъ они наслаждаться, переселясь въ жилище *Силфовъ;* естьли же сонъ повергаетъ ихъ въ совершенную безчувственность, или представляетъ имъ страшныя и непріятныя сновидѣнія, тогда ничемъ онъ не разнится отъ настоящей бѣдствіями наполненной человѣческой жизни. Я утверждаю только то, что гораздо выгоднѣе для людей спать и видѣть всегда хорошіе сны, нежели наслаждаться всѣми увеселеніями, сопряженными съ состояніемъ неспящихъ людей, для того, что сіи ихъ увеселенія смущаемы бываютъ множествомъ злоключеній и страхомъ, чтобъ по какому либо случаю не лишиться оныхъ.

ПИСЬМО XXIII.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулъмулъку.

Свадьба моего дорогаго *Припрыжкина* кончилась; онъ отдѣлился отъ своего отца, сдѣлался самовластнымъ господиномъ шестидесяти тысячь рублей дохода, и носитъ имя мужа, первой во всемъ городѣ красавицы. Счастливое состояніе! скажетъ кто нибудь, имѣть богатство и прекрасную жену. Я и самъ признаюсь, что трудно удержаться, чтобъ этого не подумать, видя сію молодую чету; но ты увидишь, любезный *Маликульмулькъ*, можно ли это сказать, зная ихъ жизнь.

Свадьба сія продолжалась съ такимъ же великолѣпіемъ, съ какимъ началась. Какъ имя невѣсты и жениха всегда имѣетъ нѣчто привлекательное, и они болѣе другихъ обращаютъ на себя взоры людей, то молодая

Неотказа ничего не упустила въ нарядахъ и ужимкахъ, чтобъ могло плѣнить свидѣтелей ея свадьбы; равнымъ образомъ и *Прилрыжкинъ* не менѣе старался о женщинахъ, и они оба столь были заняты наукою нравиться, что имъ едва оставалось время взглянуть другъ на друга. Совсѣмъ тѣмъ казалось, что они чрезмѣрно восхищены своимъ счастіемъ, и ничего болѣе не желаютъ, какъ той минуты, которая кончитъ ихъ свадьбу. Минута подлинно блаженная! естьли невѣсша и женихъ въ первый еще разъ оную чувствуютъ, и ею начинается новый человѣческій вѣкъ; но въ нынѣшнемъ свѣтѣ и въ здѣшней землѣ, любезный *Малкульмулкъ*, рѣдкимъ дѣвушкамъ бракъ кажется новостію: онѣ по большей части такія Философки, что во всемъ находятъ скучное повтореніе; и естьли бываетъ нѣкоторымъ изъ нихъ мило супружество, то конечно не новостію, а развѣ свободою, которую оно съ собою приноситъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ гости утопали въ веселостяхъ, музыка гремѣла, вины заставляли многихъ шататься около буфетовъ; а другіе помогали своею непорядочною скачкою разстроивать веселые танцы молодыхъ госпожъ и господчиковъ; и между тѣмъ, когда казалось, что всякой принималъ участіе въ благополучіи новобрачныхъ, хотя у многихъ карты и вино выбили изъ памяти и жениха и невѣсту, я примѣтилъ, что она ушла въ свою комнату съ одною изъ молодыхъ своихъ знакомокъ.

Желая узнать невѣстино мнѣніе о семъ супружествѣ, и заключая, что въ такихъ уединенныхъ разговорахъ не можетъ быть ничего пустаго, скрылся я изъ гостиной комнаты, и сдѣлавшись невидимымъ вошелъ въ уборную молодой *Несказы*. Я засталъ ее съ тою же незнакомкою, съ коею она ушла отъ гостей, и онѣ обѣ хохотали, какъ безумныя. Признайся, любезная *Безстыда*, говорила

своей подругѣ *Неотказа*, что изо всѣхъ мущинъ трудно сыскать глупѣе моего жениха; вообрази себѣ, какое счастіе, имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать. Признаюсь, отвѣчала *Безстыда*, что я завидую твоему счастію; а мнѣ такъ сватаютъ какого-то урода, котораго я терпѣть не могу; одно только то, что онъ уменъ, дѣлаетъ мнѣ его несноснымъ. Подумай, жизнь моя! сносенъ ли такой мужъ женщинѣ нынѣшняго свѣта: я умру съ досады, естьли батюшка и матушка не перемѣнятъ своего слова. — Да, я совѣтую тебѣ, какъ можно отвязаться отъ такого женишка, сказала *Неотказа*; я не одинъ разъ слыхала мнѣніе о замужствѣ моей матушки, (ты вѣдь знаешь, что старушка моя не дура) она говоритъ, что естьли мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не бывать доброму согласію, для того, что никто изъ нихъ слѣпымъ быть не захочетъ;

а когда оба они глупы, то должно ожидать скораго разоренія ихъ дому; но что бы составлять счастливыя семейства, надобно неотмѣнно, или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можетъ веселиться, а другая, разиня ротъ, будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ, какъ ее за носъ водятъ.... И такъ, по сему правилу, любезная *Безстыда*, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ тобою умные мужья не подъ пару. — Сему-то правилу и я бы желала слѣдовать, сказала *Безстыда;* но къ несчастію мои старики совсѣмъ не такого мнѣнія о супружествѣ, какъ твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостію, естьлибъ добрая моя *кадамъ* не помогала мнѣ ихъ обманывать столько, сколько мнѣ угодно, и я признаюсь, продолжала она, что съ нѣкъ поръ, какъ *Французы* взяли

подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подъ присмотромъ искусной *Француженки* въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей машушки, съ тою притомъ разницею, что насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама будучи поставлена на такой ногѣ моею надзирательницею, съ терпѣливостію сносила скучные годы моего дѣвичества; но съ того времени, какъ она отъ насъ отошла, почувствовала я всю строгость родительскаго присмотра, и съ великою нетерпѣливостію жду какого бы то ни было жениха, надѣясь, что супружество, по крайней мѣрѣ облегчитъ мою неволю. — Не думаешь ли ты, перехватила *Неотказа*, что мнѣ болѣе твоего оказываютъ попворства? О какъ же ты мало знаешь мою

матушку! Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ строже этой хрычовки; вообрази себѣ, что она въ день не отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа: и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ *Лицемѣровымъ* читать молитвы. Признаться надобно, что я не теряла изъ сихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но совсѣмъ тѣмъ тайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя! какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери; дочери гораздо легче обманутъ самаго строгаго отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу свѣта, и помня старину, знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Естьлижъ она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это конечно не отъ того, чтобъ не знала къ тому способовъ; но или лѣнится, или не имѣетъ времени, претерживая очень часто

сама веселые зады любовной азбуки.— Ха ха ха! какъ ты злорѣчива, говорила со смѣхомъ *Безстыда*, ты не щадишь и своей матушки. — Вотъ какое дурачество! щадить мать! отвѣчала *Неотказа*, эти старушки думаютъ, что онѣ только одни могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихъ рождены сидѣть въ конуркахъ, постишься вмѣсто ихъ и молить за ихъ грѣхи. О! нѣтъ, я всегда вела себя на такой ногѣ, что мнѣ не только за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени; да и впередъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущій мужъ, не надѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупой мужъ, любезная *Безстыда!* въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной женщины служитъ не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно быть слѣпою, естьли не разсмотрѣть, что мой *Притрыжинъ* глупѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ;

чтожь касается до его лица, то каковъ бы хорошъ женихъ невѣстѣ ни казался; но недѣлю спустя послѣ свадьбы, навѣрное всякой мущина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа. Трудно не видѣть, что всѣ мущины не для чего инаго ищутъ дружества мужа, какъ желая покороче свести знакомство съ женою; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя принимаетъ онъ за знакъ уваженія къ нему; они за нею машутъ, а онъ тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ, почитая ее второю *Лукрецією*, восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію. Надѣясь на ея сердце, онъ спокойно ее оставляетъ, и дѣлаетъ ей многія измѣны, почитая однѣхъ только женщинъ обязанными къ постоянству; однимъ словомъ: онъ во всемъ ей вѣритъ, почитаетъ ее слѣпою въ разсужденіи своихъ поступокъ, и допускаетъ своихъ друзей стараться развращать ее въ ея

нимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя! не имѣть глазъ, чтобъ не видать всего этого, и надобно имѣть каменное сердце, что бы симъ не пользоваться. Да полно я на себя не буду пѣнять въ семъ случаѣ; я уже давно расположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ только такой простячокъ, которой бы назывался моимъ мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезной мой *Прилыжкинъ*, право, кажется, можетъ быть мужемъ всякой умной женщинѣ. Изо всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго человѣка. Кажется, онъ болѣе занятъ своими пряжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мнѣ подаетъ добрую надежду, что онъ чаще будетъ смотрѣть за своею каретою, нежели за своею женою. — Послѣ сего продолжали онѣ съ язвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать

всякую черту бѣднаго *Притрыжкина*. Молодая *Неотказа* выдумывала планы своему хозяйству; назначала изъ мужчинаго гусара, малаго рослаго и довольно пригожаго, сдѣлать главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному *Притрыжкину* не только не удастся съ танцовщицею подѣлиться женинымі доходами: но едваль и своими собственными всѣми пользоваться ему дозволятъ.

Онѣ бы еще долѣе продолжали свои разсужденія, естьли бы не вскочилъ въ комнату молодой господчикъ, одного покроя съ Г. *Притрыжкинымъ*: тупей его наполнилъ новымъ благоуханіемъ всю комнату, блестящія пуговицы умножили въ ней свѣтъ, и казалось, что сама *Арахна* трудилась надъ его манжетами. Жестокая! сказалъ онъ *Неотказѣ*, такъ ты мнѣ измѣняешь и мой *Ривалъ* предпочтенъ мнѣ, въ то время, когда я уже со-

всѣмъ разорился на щегольство, единственно для того, чтобы тебѣ нравиться. — Перестань дурачиться, любезный *Пролотъ!* сказала *Неотказа;* ты подымешь въ моей головѣ *валоры* своими восклицаніями. . . . — Ты право самъ не знаешь своихъ выгодъ, когда жалѣешь о томъ, что я выхожу за *Прилрыжкина.* — Нѣтъ невѣрная, отвѣчалъ съ досадою ея любовникъ, мнѣ уже не жаль тебя; но жаль своихъ трехъ тысячь душъ крестьянъ, которыя *продепансировалъ* я на то, чтобъ тебѣ угождать, надѣясь загладить нѣкогда сей убытокъ твоимъ приданымъ. Познай безчеловѣчная! продолжалъ онъ съ трагическимъ восклицаніемъ, показывая ей правую руку усѣянную перстнями; познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село *Остатково;* на ногахъ ношу я двѣ деревни *Безжитову* и *Грабленцо;* въ этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое мое село *Частодавово;* карета моя и четверня лошадей напо-

минаютъ мнѣ прекрасную мою мызу *Пустынку;* словомъ: я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекруты, дворовыхъ. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь платишь мнѣ невѣрностію; но какою еще невѣрностію, жестокая! я бы тебѣ позволилъ тысячу разъ мнѣ измѣнять, но только бы не выходить за другаго. — Ахъ! какъ же ты скученъ, отвѣчала *Исотказа,* ты пришелъ меня уморить своими выговорами. (Замѣть любезный *Малихульхулькѣ*, что подруга ея давно уже вышла). Скажи пожалуй, какія находишь ты выгоды въ нашемъ супружествѣ? Подумай, можно ли мнѣ однимъ моимъ приданымъ содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, естьли я награжу твой убытокъ изъ *Прилрыжкинаго* имѣнія. Ты

дурачишься, жизнь моя! естьли не хочешь пользоваться его доходами, имѣя столько разума, что можешь не съ однимъ мужемъ дѣлиться. Оставь пожалуй свой томной видъ, и подумай лучше, какъ бы поскорѣй послѣ нашей свадьбы познакомишься съ моимъ мужемъ; онъ право человѣкъ неопасной, и мы можемъ съ тобою такъ же быть счастливы, какъ были прежде; бѣда только вся въ томъ, что я не буду твоею женою: но это не такъ-то жалко: вѣдь жена не всякая приноситъ съ собою чины мужу, а мнѣ мужъ мой приноситъ вѣрную выгоду называться Графинею. — И такъ, ты мнѣ не измѣняешь! вскричалъ съ радостію *Громотъ*, ты меня любишь! Когда такъ, то пожалуй выходи за *Прилрыжкина;* послѣ этого объявленія никакой мужъ мнѣ не страшенъ.... Любезная *Неотказа!* теперь я познаю, что ты рѣдкая женщина въ постоянствѣ. — Конечно, отвѣчала *Неотказа*, будь увѣренъ, жизнь моя!

что мужа я всегда имѣть намѣрена; но тотъ, кто мнѣ милъ, никогда не будетъ моимъ мужемъ. Естьлибъ я и овдовѣла, то ты не прежде можешь назвать меня невѣрною, какъ развѣ тогда, когда предложу я тебѣ мою руку; это будетъ ясный знакъ, что мнѣ уже не ты, но одно твое имя нужно. Послѣ сего увѣренія она доказывала всѣми способами къ нему свою любовь, и старалась, какъ могла, его утѣшить.

Бѣдные мущины! думалъ я самъ въ себѣ, вотъ та власть, которая по вашему мнѣнію дана вамъ природою надъ женщинами, и вотъ вѣрность, которую вы имѣете право отъ нихъ требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего инаго выходятъ за васъ за мужъ, какъ для того, что вами страстны, и желаютъ спокойствія подъ вашими законами. Продолжайте думать, что имъ необходимо надобны мужья, чтобъ предводительствовать ихъ слабымъ

умомъ и утушать въ нихъ худыя склонности; и что онѣ въ васъ ищутъ пріятныхъ друзей, нѣжныхъ отцовъ и вѣрныхъ любовниковъ. Продолжайте наслаждаться столь лестною мечтою, а между тѣмъ рабствуйте имъ, ни мало непримѣчая своихъ оковъ. Думайте, что вы ихъ господа, и будьте ихъ игрушкою. Говорите, что ихъ жизнь и счастіе отъ васъ зависитъ, но въ то же самое время просите отъ нихъ робкимъ взоромъ своего счастія, а иногда и самой жизни. Не показываетъ ли вамъ сей примѣръ, что онѣ не для чего инаго ищутъ носить ваши имена, какъ желая употреблять оное во зло, чтобъ избавиться отъ строгости родителей, которые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святостію свой долгъ, естьли дочь ихъ до замужства была честною дѣвушкою, и никогда незаботятся о томъ, чтобъ была она честною женою; а молодыя женщины сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ

въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бываютъ развратителями ихъ добродѣтели, и и я не знаю почему мущины не почитаютъ себя столько же обязанными въ вѣрности, сколько требуютъ того отъ женщинъ. Кажется, всякой мужъ своими поступками говоритъ своей женѣ: „Ты не столь пылкаго сложе„нія, какъ я; твой разумъ основа„тельнѣе моего; ты не такъ легко„вѣрна и скора; сердце твое не такъ „нѣжно, и чувства твои не столь „склонны къ утѣхамъ; а для того-то „ты должна подавать мнѣ примѣръ „въ вѣрности и извинять тысячу „измѣнъ, которыя я тебѣ дѣлаю, сла„бостію и легкомысліемъ моего пола, „и приписывать то свойственной вся„кому мущинѣ вѣпренности„. Вотъ, что думаютъ и говорятъ мущины; но едваль не женщины имѣютъ право это сказать.

Я еще продолжалъ мои разсужденія, какъ вдругъ вошла въ комнату

мать *Неотказы*, и очень была не довольна госпiемъ, котораго застала у своей дочери. Онъ не замедлилъ выпить и оставилъ бѣдную *Неотказу* съ своею матерью. Я опасался, чтобъ не послѣдовало какого жалостнаго явленiя; но дѣло все прошло очень тихо. *Горбура* только побранила свою дочь и дала ей свои матерniе совѣты въ разсужденiи ея неведенiя.

Не стыдно ли тебѣ, говорила она ей, что въ твои лѣта ты такъ глупа какъ робенокъ, и на канунѣ своей свадьбы дѣлаешь такiя дурачества, которыя могутъ и тебя и мать твою ввести въ великiе хлопоты? Такое ли давала я тебѣ наставленiе? Не говаривала ли я тебѣ, что ты до замужства должна быть Ангеломъ, а послѣ того будь хоть дьяволомъ, если захочешь; тогда уже ничто тебѣ не грозитъ вѣкъ засидѣться въ дѣвкахъ; къ счастiю, что твой женихъ теперь танцуя давно позабылъ о тебѣ, что ты ушла изъ комнаты; ну, если

бы онъ примѣтя это вздумалъ подозрѣвать, пошелъ бы сюда за тобою и нашелъ бы тебя съ товарищемъ, которой и лучшему мужу можетъ подать подозрѣніе; посуди, чтобъ изъ этаго вышло? Ты была бы оставлена; свадьба бы ваша разорвалась, и намъ всѣмъ нанесло бы это стыдъ и безчестіе. Любезная *Нестказушка!* я люблю тебя; но воля твоя, до замужства не дамъ тебѣ шалить. Покуда ты въ дѣвкахъ, то я за тебя отвѣчаю; вышедши за мужъ, дѣлай себѣ что хочешь, тогда уже никто меня не можетъ упрекнуть въ твоемъ поведеніи, и каково бы оно ни было, мущины всѣ тебя извинятъ, а изъ женщинъ одинѣ только твои соперницы поносить тебя станутъ. Мы сами бывали молоды; но въ старину всегда болѣе расчету держались: тогда дѣвушку до ея замужства рѣдкіе видали, и всякая изъ нихъ не выѣзжала изъ двора иначе, какъ развѣ показать свою набожность. Въ про-

чемъ мы сиживали дома по десяти мѣсяцовъ, въ которые и Богъ знаетъ что съ нами дѣлывалось; однакожь совсѣмъ пѣмъ ко всякой изъ насъ сватывалось множество жениховъ: столько-то мы казались добродѣтельными; а въ нынѣшнемъ свѣтѣ, такъ право и самая честная женщина кажется подозрительною. Я было тебя совсѣмъ по сіаринѣ воспитывала, и радовалась, что слышала о тебѣ многія похвалы, которыя не давала тебѣ опровергать твоею вѣтренностію: и хотя ты, можетъ быть, не всегда была ихъ достойна; но самолюбіе мое извиняя слабость нашего пола, довольствовалось и тѣмъ, что публика была о тебѣ хорошаго мнѣнія, которое чуть было ты нынѣ не истребила своею неосторожностію. Воздержись, любезная *Неотказа!* тебѣ еще восьмнадцать лѣтъ; подумай хорошенько, что ты завтра будешь самовластною госпожею, и можешь наградить тѣ скучные семь лѣтъ,

въ которые можетъ быть чувствительно тебѣ было мое надзираніе, тридцатью годами и болѣе веселой жизни. *Неотказа*, поблагодаря, свою добренькую матушку за такіе спасительные совѣты, обѣщала ей вѣчно быть добродѣтельною, и обѣщала то съ такимъ жаромъ, который и меня увѣрилъ, что она двадцать восемь часовъ не перемѣнитъ своего слова. Послѣ сего онѣ вышли изъ комнаты къ гостямъ, которые едва примѣтили ихъ приходъ, равно какъ и выходъ.

Лишь только окончились свадебные обряды, какъ *Неотказа* воспитанная въ экономіи, вздумала принять въ свое правленіе домъ. *Прилрыжкинъ* почитая въ ней простую женщину, которая займетъ у него мѣсто клюшницы, былъ ей радъ, какъ кладу; но она такъ, какъ исправный казначей, умѣла пользоваться своимъ мѣстомъ, и я увидѣлъ, что онъ очень ошибся въ двадцати тысячахъ, которыя обѣщалъ

ванцовщицѣ. Изъ экономіи, всякая испраченная имъ полушка исправно спавится на счетъ, и бѣдный *Притрыжкинъ* очень дурно получаетъ свои доходы; *Неотказа* ласковыми своими съ нимъ поступками и своимъ противъ его притворствомъ довела его до того, что онъ ей не смѣетъ и заикнуться о большихъ деньгахъ, и не рѣдко очень негодуетъ на ея экономію, между тѣмъ, какъ она не только свои, но и его доходы дѣлитъ по поламъ съ *Прохотой*, которой вкрался къ *Притрыжкину* въ совершенную дружбу.

Ну, любезный другъ! сказала я ему недавно, доволенъ ли ты теперь своею женидьбою? — Нѣтъ, чортъ меня возьми, отвѣчалъ *Притрыжкинъ*; я ни мало ею не доволенъ; я думалъ получить въ женѣ молодую женщину нынѣшняго свѣта, которая бы съ удовольствіемъ мнѣ помогала проживать имѣніе; но судьба наказала меня

самою скучною половиною. Моя жена воспитана въ предразсужденіи женщинъ; она за грѣхъ ставитъ издержать лишнюю копѣйку; по ея мнѣнію, самое святое дѣло есть то, чтобъ избѣгать роскоши, быть вѣрною и усердною къ своему мужу, и беречь, чтобы и онъ ей былъ вѣренъ; а это заставляетъ ее часто удерживать меня дома; ибо съ красотою моею, какъ она говоритъ, въ нынѣшнее время очень опасно показываться въ обществахъ, когда женщины ищутъ всѣхъ способовъ соблазнять мущинъ: и такъ, въ ея угодность я не рѣдко просиживаю по цѣлому дню дома, между тѣмъ, какъ она обѣзжаетъ *богадѣльни* и больныхъ своихъ знакомыхъ; часто усердіе доводитъ ее до такого восторга, что она пріѣзжаетъ домой вся въ поту и съ помутившимися глазами; я право боюсь, чтобъ подлѣ ее и я не сдѣлался набожнымъ. Въ прочемъ я ею доволенъ, и по крайней мѣрѣ надѣюсь, что мой лобъ

избавленъ отъ общей участи почти всѣхъ мужей нынѣшняго вѣка.

Вотъ что говоритъ *Прилрыжкинъ* о своей женѣ, любезный *Маликулмулькѣ*; но ты можешь отгадать, вѣрю ли я его словамъ и набожности его любезной супруги.

ПИСЬМО XXIV.

Отъ Силфа Дальновида къ волшебнику Маликулъмульку.

Примѣчено мною, почтенный *Маликулмульку*, что въ гражданскомъ обществѣ всего легче дается людямъ такое названіе, которое очень немногіе изъ нихъ заслуживаютъ, и которое должно бы быть больше уважаемо, ежели бы люди поприлѣжнѣе размышляли о потребныхъ для сего названія достоинствахъ. Люди всего чаще говорятъ: *отъ честной человѣкъ*, а всего рѣже можно

найти въ нынѣшнемъ свѣтѣ такого, который бы соотвѣтствовалъ сему названію.

Великая разность между *честнымъ человѣкомъ*, почитающимся таковымъ отъ Философовъ, и между *честнымъ человѣкомъ*, такъ называемымъ въ обществѣ. Первый есть человѣкъ мудрый, который всегда старается быть добродѣтельнымъ, и честными своими поступками отъ всѣхъ заслуживаетъ почтеніе; а другой, не что иное, какъ хитрый обманщикъ, который подъ притворною наружностію скрываетъ въ себѣ множество пороковъ, или человѣкъ совсѣмъ нечувствительный и безпечный, который хотя не дѣлаетъ никому зла; однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія. Я въ томъ согласенъ, почтенный *Маликильдику*, что приличнѣе называть *честнымъ человѣкомъ* того, который содержитъ себя въ равновѣсіи между добромъ и зломъ, нежели того,

который явно предается всѣмъ порокамъ; но онаго еще не довольно, для полученія сего названія, чтобъ не дѣлать никому зла и не обезславить себя безчестными поступками: а истинно *честному человѣку* надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе.

Ежели разсмотрѣть прилѣжнѣе, мудрый *Маликульмулкъ*, различныя состоянія людей, и войти въ подробное изслѣдованіе всѣхъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, которымъ люди нынѣшняго вѣка часто себя порабощаютъ, и кои причиняютъ великій вредъ общественной ихъ пользѣ, то можно увидѣть очень многихъ, которымъ щедро дается названіе *честнаго человѣка*, а они нимало того не заслуживаютъ.

Придворный, который гнуснымъ своимъ ласкательствомъ угождаетъ

страстямъ своего Государя, который не внемля стенанію народа, безъ всякой жалости оставляетъ его претерпѣвать жесточайшую бѣдность, и который не дерзаетъ представить Государю о ихъ жалостномъ состояніи, страшась притти за то въ немилость, можетъ ли назваться *честнымъ человѣкомъ?* Хотя бы не имѣлъ онъ ни малаго участія въ слабостяхъ своего Государя, хотя бы не подавалъ ему никакихъ злыхъ совѣтовъ, и хотя бы по наружности былъ тихъ, скроменъ и ко всѣмъ учтивъ и снисходителенъ: но по такovымъ хорошимъ качествамъ онъ представляетъ въ себѣ *честнаго человѣка* только въ обществѣ, а не въ глазахъ мудрыхъ Философовъ; ибо по ихъ мнѣнію не довольно того, чтобъ не участвовать въ порокахъ Государя; но надлежитъ къ благосостоянію народа изыскивать всевозможные способы, и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вредъ отечеству, хотя

бы чрезъ то долженъ онъ былъ лишиться милостей своего Государя и быть навсегда отъ лица его отверженнымъ.

Богачь, который неусыпными стараніями, съ изнуреніемъ своего здоровья, собралъ неисчетное богатство и наполнилъ сундуки свои деньгами, не подавая бѣднымъ нималой помощи, хотя всѣ сіи сокровища приобрѣлъ позволенными способами; однакожь *честнымъ человѣкомъ* назваться можетъ только въ обществѣ, въ глазахъ же Философа почитается онъ скупцомъ и скрягою, ни малаго почтенія честныхъ людей недостойнымъ.

Мотъ, который расточаетъ свое имѣніе съ такою же прилѣжностію, съ какою скупой старается его сохранять; который то употребляетъ на роскошь, что долженъ бы былъ употреблять на вспоможеніе несчастнымъ; который живетъ въ изобиліи, не чувствуя ни малаго сострадания

къ бѣдности многихъ отъ голода страждущихъ, коимъ могъ бы онъ сдѣлать не малую помощь. Такой безумный расточитель ежели на росконь свою употребляетъ только свои доходы и не имѣетъ на себѣ долговъ, въ обществѣ называется *честнымъ человѣкомъ;* но Философы такимъ его не почитаютъ: а онъ въ глазахъ ихъ хуже дикихъ варваровъ, которые и о скотахъ болѣе имѣютъ сожалѣзнованія, нежели онъ о подобныхъ себѣ человѣкахъ. Надменный Вельможа, думающій о себѣ, что знатное его рожденіе дало ему право презирать всѣхъ людей, и что будучи Сіятельнымъ и Превосходительнымъ, не обязанъ онъ оказывать никому ни малаго уваженія и благосклонности, естьли платитъ хорошо своимъ заимодавцамъ, естьли не поступаетъ мучительски съ своими подчиненными, а только ихъ презираетъ, и естьли при исполненіи возложенной на него должности не притѣсняетъ

народъ правленію его вѣренный, то въ обществѣ называется *тестимъ человѣкомъ*; но Философы почитаютъ его такимъ, который поступками своими оскорбляетъ человѣчество; который будучи надутъ гордостію позабываетъ и самомалѣйшія добродѣтели; не познаетъ самаго себя, и его безумное тщеславіе столь же порочно и предосудительно; какъ звѣрская люпость дикаго Американца. Многіе разумные люди утверждаютъ, что гораздо сноснѣе быть умерщвлену, нежели презираему; ибо смерть оканчиваетъ всѣ мученія, а къ презрѣнію никогда привыкнуть не возможно, и чувствуемое отъ онаго мучительное оскорбленіе часъ отъ часу непрестанно умножается. Чемъ болѣе кто питаетъ въ себѣ благородныхъ чувствъ, тѣмъ сносимое отъ другихъ презрѣніе бываетъ для него мучительнѣе. И такъ, сего высокомѣрнаго и гордаго Вельможу должно почитать чудовищемъ, кото-

раго Небо произвело на свѣтъ для испытанія добродѣтели и кроткой терпѣливости простыхъ людей ему подчиненныхъ.

Въ обществѣ такъ же называется *честнымъ человѣкомъ* тотъ Судья, который не уважая ни чьихъ прозьбъ дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя нимало въ подробное ихъ разсмотрѣніе; но Философы не думаютъ, чтобъ единаго шокмо старанія о скорѣйшемъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ было довольно для названія Судьи *честнымъ человѣкомъ;* а по ихъ мнѣнію надлежитъ, чтобъ онъ имѣлъ званіе и способность, нужныя для исполненія его должности. Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ не знающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ почесться *честнымъ человѣкомъ*, когда безпристрастіе его заставитъ его почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по не-

знанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ Судьи захотѣли заслужить истинное названіе *честнаго человѣка*, то сколько бы присудственныхъ мѣстъ оставалось порожними! и естьли бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось.

Чтобъ быть совершенно достойнымъ названія *честнаго человѣка*, и чтобъ заслужить истинныя похвалы, потребно сохранять всѣ добродѣтели. И самый низкій хлѣбопашецъ, исполняющій рачительно должности своего состоянія, болѣе заслуживаетъ быть названъ *честнымъ человѣкомъ*, нежели гордый Вельможа и несмысленный Судья. Тотъ, кого называютъ *честнымъ человѣкомъ*, долженъ не только стараться дѣлать добро; но и при дѣланіи онаго приемлетъ надежнѣйшія мѣры; онъ прилѣжно себя

испытываетъ, перемѣняетъ свои поступки, ежели хотя немного что примѣтитъ въ нихъ предосудительнаго; и слагаетъ съ себя всѣ знатныя и важныя должности, сколькобъ ни были онѣ для него драгоцѣнны, какъ скоро примѣтитъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ потребныхъ къ тому способностей, и не можетъ возложенныхъ на него должностей исполнять съ пользою.

И такъ, видя сколь не многіе люди заслуживаютъ истинное названіе *честнаго человѣка*, надлежитъ не только удивляться, но и соболѣзновать о всемъ родѣ человѣческомъ, который по природѣ порабощенъ столь великимъ слабостямъ. Люди должны бы стыдиться бѣдственнаго своего состоянія, что въ свѣтѣ между ними столь мало находится истинно добродѣтельныхъ, и достойныхъ заслужить отъ Философовъ названіе *честныхъ людей*. По справедливости надлежитъ сказать, поч-

тенный *Маликулъмулькъ*, что гораздо болѣе таковыхъ можно найти въ простыхъ людяхъ, не прилѣпленныхъ ни къ придворной, ни къ статской, ни къ военной службамъ; ибо будучи обременены немногими должностями, гораздо менѣе имѣютъ они затрудненія учинишься истинно *честными людьми*. Сколько благополученъ тотъ, кто, подобно тебѣ почтенный *Маликулъмулькъ*, затворясь въ своемъ кабинетѣ бесѣдуетъ съ искренними своими друзьями, коихъ у него весьма мало; живетъ доволенъ своею участію, и не завидуетъ знатнымъ чинамъ, кои рѣдко бываютъ сопряжены съ истиннымъ достоинствомъ, и въ коихъ почти не возможно совершенно исполнять всѣхъ нужныхъ добродѣтелей, потому что въ знатныхъ чинахъ требуется оныхъ великое множество.

Конецъ второй части.